

Щит магии

Автор:

Кэйлин Фландерс

Щит магии

Кэйлин Фландерс

Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мираЩит магии #1

Королевство Халенди в опасности. На его границах идет война, а среди придворных зреет заговор и ходят слухи об угрозе, которая страшнее сражений. Младшая дочь правителя, принцесса Дженесара, лишена магии, но прекрасно управляется с мечом. Она мечтает отправиться на передовую и защищать свое государство. Однако у ее отца другие планы. Девушка должна оставить дом и выйти замуж за принца соседнего королевства, чтобы подарить мир своему народу.

Едва покинув дворец, Дженесара попадает в засаду и понимает, что слухи придворных не были ложью. Древнее зло проникло в самое сердце королевства и готово уничтожить не только ее семью, но и весь мир. Теперь юная принцесса должна рискнуть своей жизнью и разгадать тайну, способную спасти ее страну. Однако правда может быть слишком жестокой.

Кэйлин Фландерс

Щит магии

Глава первая

Мое горло было сухим, как каменные стены старого замка, но все же, серебристый лучик надежды приковал меня к центру переполненного обеденного зала. Придворные окружали меня плотным кольцом: море золотых волос и острых улыбок. Но среди них не было моего брата. Среди них не было и его лучшего друга.

– Принцесса Дженесара! – раздался высокий голос.

На мгновение разговоры вокруг меня поутихли. Я опустила голову и притворилась, что вожусь с тонкой цепочкой на моем туго затянутом корсаже. Между нами прошла пара, и я воспользовалась этой заминкой, чтобы ускользнуть от девушки, проталкивающейся ко мне сквозь толпу.

Я вежливо терпела неприкрытый интерес леди Исар к моему брату на протяжении всего ужина. Мне очень хотелось поест в тишине и спокойствии, так что я чуть не рассказала ей, где именно она может подловить Рена, и, если он в самом деле бросил меня одну, может, так и стоило поступить.

Сжав пальцами свою мягкую шерстяную юбку, я встала на цыпочки и начала пробираться сквозь окружавших меня светловолосых людей.

– Извините, – пробормотала я, задев плечом важного лорда и леди, чьи имена вылетели у меня из головы.

Это был канун моего семнадцатилетия, и практически все придворные моего отца прибыли в Халенбург, узнав, что мы будем праздновать, несмотря на наши военные неудачи. Северная граница подвергалась постоянным нападениям, но многие полагали, что уже через месяц боевые действия сойдут на нет. То же самое они говорили еще семь месяцев назад – когда все только началось.

Мне был противен весь этот спектакль, но королевство нуждалось в празднестве – по крайней мере, так сказал отец. Я бы предпочла оборонять замок из самой высокой бойницы во время снежного бурана болтовне и танцам с придворными. Ведь даже когда белые пряди были спрятаны среди моих светлых волос – а я никогда не жалела времени, чтобы лишний раз в этом убедиться, – их изучающие взгляды заставляли меня чувствовать себя преступницей, пойманной с поличным. Но, может, в этом году все будет не так плохо. Может, Крис попросит меня танцевать с ним.

Навязчивая музыка смешивалась с десятками голосов, пытающихся перекричать друг друга, и отдавалась в моей голове притупленной болью. Мой желудок скрутился в узел, и я ощутила тяжесть лакомств, съеденных за ужином. Рена и Криса нигде не было.

Я коснулась своих волос, убеждаясь, что сложное плетение прически все еще на месте, и ловко обогнула женщину в пышной юбке. Мой взгляд упал на изукрашенный кинжал, висящий у нее на поясе, и я невольно залюбовалась им, жалея, что при мне нет моего меча. Мой отец и его придворные не видели ничего странного в женщинах на военной службе. Ограничения распространялись только на меня.

Леди Исар остановилась возле турийского посла, резко выделявшегося на фоне всех присутствующих оливковой кожей и черными волосами. Ее глаза метались по залу.

Я пригнулась и вжалась в стену, скрываясь за чьим-то роскошным платьем.

– ...первый гонец этого сезона прибыл из Турии, и король тут же послал его обратно, – сказала владелица платья своей спутнице.

Я тут же наострила уши. Какое сообщение отец так торопился отправить нашим южным соседям?

– Я слышала... – начала вторая женщина, но замолкла, как только заметила, что я прячусь за ними.

Я вскочила на ноги и попыталась прошмыгнуть в дверь, но мои косы зацепились за железный канделябр, потянув меня назад. Все попытки освободиться привели к тому, что мои волосы завязались еще крепче. В голове промелькнуло одно из самых красочных ругательств Рена, и мои щеки тут же вспыхнули. Может, и хорошо, что брата не было на балу – он бы смеялся надо мной еще лет десять.

– Ваше Высочество, – слуга с кухни прервал мои нелепые конвульсии. Свечи в канделябре опасно зашатались. – Позвольте вам помочь.

Я дернулась еще сильнее и поморщилась от того, что вырвала несколько волосков.

– Нет, нет, со мной все в порядке, – по фальшивости моя улыбка не уступала вежливым гримасам придворных. Я снова дернула головой и наконец освободилась.

Ближайшие придворные смотрели на меня с удивлением и плохо скрываемыми усмешками. Или еще хуже – с жалостью. Придерживая волосы одной рукой, я подняла свою тяжелую юбку. Должно быть, мои щеки уже приобрели ярко-красный оттенок.

– Извините, – запинаясь, произнесла я и бросилась в коридор. Вдруг кто-то заметил белые пряди?

Мне в лицо ударил поток холодного воздуха, и по шее пробежали мурашки. Весна уже должна была прогреть замок.

– Принцесса! – визгливый голос Исар заглушил чей-то тихий разговор у меня за спиной.

Неужели эта девчонка никогда не сдастся? Я подобрала юбку и подбежала к ближайшей двери, но не смогла открыть задвижку. Она застряла намертво.

– Давай же, – пробормотала я, оглядываясь через плечо. Вместо Исар я заметила двух мужчин, стоявших в дальнем конце коридора. Один из них – Крис? В полумраке невозможно было различить лиц, но его манера стоять казалась мне знакомой. Почему они выбрали такое странное место для беседы?

Мои пальцы отчаянно хватались за сломанную задвижку. Исар все еще искала меня, задрав нос, словно собака-ищейка, напавшая на след. Никто – даже Крис – не должен был увидеть белизну в моих волосах.

Изо всех сил я ударила дверь плечом и скользнула в темную комнату. Сердце все еще бешено колотилось в моей груди, когда я прижалась к закрытой двери.

Раздались легкие шаги Исар, и ее платье прошелестело мимо меня и дальше по коридору.

Здесь, в темной гостиной, я наконец выдохнула, впервые за вечер позволив себе расслабиться.

Быть центром всеобщего внимания – очень выматывающее занятие.

Теперь, оказавшись в одиночестве, я могла ослабить свою защиту. Я распустила свои волосы и провела по ним пальцами, освобождая запутавшиеся пряди. Наклонив голову в одну, а затем и в другую сторону, я немного размяла шею, чувствуя, как тяжелые волнистые локоны падают мне на плечи.

Едва ощутимые запахи духов, горящих дров и старой мебели принесли мне долгожданное спокойствие. Мои руки инстинктивно потянулись к волосам, чтобы заплести их в косу, которая скроет белые пряди, струящиеся у виска.

Этот секрет я хранила всю жизнь, поведав его только Рену, после того, как наша мать умерла. И даже в то время, когда мне было три, а брату – пять, он понимал, что этого просто не должно было произойти. Это было невозможно. Белизна, затронувшая всего лишь одну тонкую прядь моих волос, сделала меня опасной. Я была преградой на его пути к трону – трону, которого я не желала.

Я провела рукой по косе. Оставлять волосы распущенными было слишком рискованно.

Спина и ребра неприятно заныли, и мне ужасно захотелось вернуться к себе и лечь спать. За дверью раздались голоса.

– ...видел ее волосы? – спросил кто-то из придворных, а другой лишь засмеялся в ответ. – Очевидно, что она заплела их самостоятельно.

– Какой позор, что принцесса...

Голоса отдалились и превратились в приглушенное бормотание, но не затихли насовсем. Я уже слышала подобные комментарии. С протяжным вздохом я переложила свою косу на плечо и подошла к затухающим уголькам в камине.

Если я выскользну из темной комнаты у них на глазах – по замку поползут слухи.

Мне нужно было дожидаться, когда они уйдут.

Я нашла кочергу и, разворошив тлеющие угольки, ждала, пока разгорится слабое пламя. Вдруг из камина вылетел обгоревший кусочек пергамента, размером с мою ладонь. Он коснулся подола моего платья и опустился на пол.

Я попыталась смахнуть золу с вышивки на юбке, но только размазала ее по ткани.

– Ледники! – тихо выругалась я, поднимая с пола проклятую бумажку и готовясь бросить ее обратно в огонь, но в этот момент танцующее пламя выхватило из полумрака одно единственное слово.

Магия.

Волоски на моих руках поднялись, а по спине побежали мурашки. Это было адресовано моему отцу. Края бумажки почернели, а большинство слов выцвело от огня. Схватившись за кочергу, я снова провела ею по теплым уголькам, но от письма больше ничего не осталось.

Магия и в самом деле может оказаться единственным способом остановить разрушение.

...поиски магической библиотеки не принесли никаких результатов. Должно быть, ключ находится в Халенди...

Дыра с обожженными краями уничтожила следующую часть, но затем...

...странная магия на передовой. От крупного рогатого скота остались лишь безжизненные оболочки, тоннели шахт обвалились, а местные жители...

Холод, пронизывавший темную комнату, сжимался вокруг меня тугими кольцами, пока кости не начали болеть. Мой отец знал об этом? Должно быть, знал. Но почему эта записка была сожжена здесь, в гостиной, а не в его кабинете или в зале совета?

Мышцы моих плеч и шеи напряглись, словно готовясь к бою. Магия древних была уничтожена много лет назад. Теперь ее мог наследовать только первый претендент на трон Халендийских королей – мой брат Рен, которого магия отметила белой прядью волос на виске. Откуда взялась магия на передовой?

В мою голову словно впились сотни маленьких иголок. Всю жизнь я прятала свою магию. Похоже, я была такая не одна.

Я засунула обрывок пергамента в карман и вытерла кончики пальцев, почерневшие от золы. У двери я задержалась, положив ладонь на задвижку, и закрыла глаза.

В тишине темной комнаты я позволила своей магии вспыхнуть и ожить. Незримые нити, как шелковые струны, натянутые между моими ребрами, загудели, соединяя меня с братом и отцом. Я сосредоточилась, ощущая, как в мое сознание проникают восторг Рена и беспокойство отца, смешиваясь с моими собственными чувствами.

Насколько я знала, это был предел моих магических возможностей – односторонняя связь, способ почувствовать их эмоции. Ничего такого, что могло бы помочь в бою, в отличие от Рена, чья магия могла излечивать раны.

Дверь в гостиную тихо скрипнула, когда я вышла в пустой коридор. Невидимые нити мягко тянули меня за собой, указывая путь, и чем ближе я подходила к источнику эмоций, тем прочнее они становились.

С каждым шагом кусочек бумаги в моем кармане становился все тяжелее и тяжелее. Когда я подошла к кабинету отца, вокруг царила тьма – в этой части замка еще не зажгли свечи. Из щели под дверью раздавались приглушенные голоса, и шелковые струны во мне заколебались. Я знала, кто находится в кабинете.

Нахмурившись, я уставилась на дверь. О чем они могут совещаться прямо посреди бала, когда обеденный зал наводнен придворными? Я сжала губы и подкралась ближе. Найти подходящее место, чтобы из-за двери невозможно было бы увидеть мою тень, оказалось довольно просто. Сквозь щель слышался приглушенный голос моего отца:

– ...Линия наших войск слишком непрочна. Никто не должен знать о твоей поездке в...

Слова стали неразборчивыми, словно он отвернулся. Дыхание похолодело и увяло в моих легких, как последняя роза при первом морозе. Куда он отправлял Рена? Я распахнула дверь и вихрем влетела в комнату прежде, чем успела задуматься о своих действиях.

В кабинете моего отца все выглядело правильно и рационально – сплошные прямые углы. Он стоял, облокотившись на стол, и огонь в камине отбрасывал блики на его лицо, скрытое в тени.

– Что ты здесь делаешь? – вена на его лбу запульсировала, и по связующим нитям мне передалась его злость с отголосками волнения и каплей... облегчения?

– Куда ты посылаешь Рена? – выпалила я прежде, чем они успели меня выгнать.

– Этот разговор не для твоих ушей, Дженесара, – строгий голос отца ударил по мне, словно плеть, но я даже не шелохнулась, хватаясь за эту крупичку облегчения, чтобы не позволить его эмоциям захлестнуть мои собственные.

– Может, и нет, но все же я здесь, и я хочу знать, – я расставила ноги пошире, словно перед боем. – Пожалуйста! – добавила я, когда почувствовала, что отец смягчился.

Он устало потер висок.

– Тебе придется пообещать, что ты будешь хранить этот секрет. Никому ни слова – ты меня поняла?

– Я никому не скажу, отец. Обещаю. – я крепко сжала ткань юбки, стараясь не выдать своего отчаяния. Если бы он только знал, как хорошо я умею хранить секреты.

Отец сел и указал на соседнее с Реном кресло. Голубые глаза моего брата не мигая следили за тем, как я опускаюсь на сиденье. Он с трудом скрывал

довольную ухмылку, но под нетерпеливым предвкушением этого загадочного путешествия, которое поручил ему отец, вспыхнула темная искра раздражения. Я подавила неприятное ощущение и улыбнулась брату, но моя улыбка быстро померкла.

– Прошло уже семь месяцев, но мы никак не можем обнаружить источник нападений на нашу границу. Мне поступают донесения о том, что главный лагерь противника расположен на территории Ледяных Пустынь.

Я склонила голову.

– В Ледяных Пустынях обитают только разрозненные племена и изгнанные преступники. Как они попадают в Халенди? – наши границы находились под защитой древней магии, и никто не мог их пересечь, особенно целая армия. Это было... невозможно.

– Я не знаю. – Он задумался и коснулся Медальона, всегда висевшего у него на шее. Руны, высеченные на его поверхности, потемнели и затерлись с годами. – Но теперь, когда Атарен поведет наши войска ближе к передовой, мы наконец-то окажемся на шаг впереди противника.

Услышав о его планах насчет моего брата, я невольно сжала подлокотники кресла так сильно, что костяшки на пальцах побелели.

– Насколько близко к передовой?

Отец накрепко сжал челюсть и скрестил руки на столе, являя собой непоколебимый образец уверенности. И все же соединявшая нас нить дрогнула, сообщая мне о его скрытом сомнении.

– Я посылаю Атарена в Северный Дозор.

Его слова ударили меня под дых. Четыре дня на север – вплоть до самой границы. Я хотела, чтобы Рен обратил это в шутку, чтобы он пообещал, что никогда не бросит меня, но он лишь выпрямился в кресле, передавая мне свое искрящееся нетерпение и заставляя мое сердце биться еще быстрее.

– Но ему всего девятнадцать! – начала я. Большим пальцем я терла вышивку на своей юбке, снова и снова пытаюсь найти любую причину, по которой он должен был остаться со мной. – К тому же на нашей последней тренировке я победила его, и...

Рен пихнул меня в ногу.

– Я справлюсь, отец. Спасибо, что доверяешь мне такое важное задание.

Я должна была радоваться за брата: он всю жизнь готовился стать королем, и теперь у него появился шанс проявить себя. Но помимо страха за его безопасность во мне теплилось и другое чувство. Тонкая струйка зависти распалась все больше, рискуя превратиться в клубы черного дыма, а затем – в целый пожар.

– Что насчет магии, которую враги используют против нас? – настаивала я. – Магия Рена предназначена для исцеления, а не для сражений.

Оба уставились на меня, нахмутив брови. Напряженную тишину нарушал лишь треск огня в камине.

– О какой магии ты говоришь? – спросил отец, нагнувшись ко мне через стол.

Я выпрямилась. Они не знали? Я достала из кармана обрывок бумаги: пергамент порвался на две части, но я все равно протянула его отцу, украдкой взглянув на брата.

– Я нашла это сегодня вечером.

Изучив записку, отец провел ладонью по лбу и протянул ее Рену.

– Где ты ее нашла? – спросил Рен.

– В камине гостиной комнаты. Тогда я еще подумала, что это странное место, но... вы действительно не знали? – Я схватилась за край стола и придвинулась ближе. – Вы когда-нибудь слышали о подобной магии? Животные, от которых осталась только оболочка? Обрушившиеся шахты?

Вдруг меня охватил приступ тяжелого, прогорклого страха, и я не сразу осознала, что ощущаю эмоции своего отца. Несколько глубоких вдохов – и я снова вернулась к своим собственным чувствам.

– Что насчет поисков магической библиотеки? – спросил Рен, указывая на первые строчки записки. – Ты разрешил эти поиски? И что насчет ключа?

Отец покачал головой, провел большим пальцем по Медальону и уставился на обрывок пергамента невидящим взглядом. Я слышала истории о магической библиотеке: все в королевстве знали о ней. Но это была всего лишь детская сказка. Легенда о тех временах, когда маги населяли Континент за морем. Каждую сотню лет какой-нибудь глупец отправлялся в экспедицию, надеясь обнаружить магическую библиотеку, но ни одна из этих поездок не увенчалась успехом, а многие вообще не вернулись назад. Кому в голову пришло тратить время на тщетные поиски, вместо того чтобы сосредоточиться на нападениях?

Я прочистила горло.

– Раз здесь замешана магия, ты, конечно, не станешь отправлять Рена...

Выпустив Медальон из рук, отец молча кивнул.

– Наверное, поэтому мои инстинкты и подсказывают мне послать Атарена на передовую. Его магия сможет изменить ход событий.

– Я тоже могу помочь, – меня тошнило от мысли, что я не смогу прикрыть брату спину, если он окажется в опасности. – У меня есть м... – резкая боль в ступне прервала меня на полуслове, и я бросила на Рена недовольный взгляд.

– Я выясню, что происходит, отец, – вмешался он.

– Будет безопасней, если никто не узнает о том, что ты отправился в Северный Дозор, – продолжил отец, не отрывая глаз от записки.

– А когда все поймут, что его нет в замке? – спросила я, недоумевая, отчего они решили скрыть правду от придворных и их дочерей, которые вечно искали Рена по всему замку, чтобы с ним пококетничать. Он не сможет уехать незаметно.

– К тому времени никто уже не сможет помешать нашим планам.

Судя по всему, совет тоже ни о чем не подозревал, а это могло означать только одно. На мои плечи тяжелым грузом опустилось беспокойство, которое отец ощущал уже не первую неделю.

– Кому ты не доверяешь, отец? Ты знаешь, кто написал записку?

– Я не хочу, чтобы ты вмешивалась, Дженесара, – резко ответил он. Отец наклонился ко мне, и Медальон на его шее качнулся вперед.

Затем он сделал то, чего я никак не ожидала. Отец снял с себя цепочку, провел пальцем по высеченным рунам и отдал Медальон Рену.

– Атарен, возьми Медальон Провидения. Его магия подчинится тебе как наследнику престола. Он поможет тебе избежать обмана и предательства, а также всегда подскажет правильное решение.

Широко распахнутый взгляд Рена на мгновение встретился с моим перед тем, как он торопливо взял Медальон, надел его на шею и с благоговением спрятал под мундир. Я ощущала удивление и восторг брата, но именно от его непоколебимой решимости у меня сердце уходило в пятки.

– Благодарю, отец. Я тебя не подведу.

Теперь я ощущала ноющую боль в каждой клетке своего тела. Он бросит меня здесь. Он хотел этого. Я начала подниматься с кресла.

– Я должна...

– Сядь, Дженесара. – Отец встал из-за стола и повернулся к окну. – Атарен, можешь идти.

Мой брат колебался и... нервничал? Нет, это было что-то другое. Что бы это ни было, он понимал, что происходит.

– Я... Да, отец, – Рен еле заметно коснулся своего носа кончиком указательного пальца и вышел из кабинета.

Выше нос, Джена.

Не желая первой нарушить молчание, я успокоила сбившееся дыхание. Скрип двери эхом разнесся в тишине кабинета, но отец даже не обернулся.

– Завтра тебе исполнится семнадцать, – наконец сказал он. Я ждала, осторожно прислушиваясь к отцовской струне, готовая в любой момент оборвать нашу связь, если его чувства вновь захлестнут меня с головой. Но теперь его эмоции смягчились. Напряжение сменилось нежностью с каплей давно укоренившейся печали и скорби, чьи корни уходили глубоко в прошлое. – Я встретил твою мать, когда мне было семнадцать.

Я замерла, затаив дыхание. Он никогда не говорил о моей матери.

– Она приехала в Халенбург со своими родителями. Всю свою жизнь она прожила в единственном портовом городе на востоке Халенди, и вместе с ней в замок ворвались соленые волны и морские ветра. – Он тяжело сглотнул. – Ты очень на нее похожа.

Шаркая ногами, он наконец повернулся ко мне лицом и снова сглотнул.

– Я знаю, что не... – он замолчал, расправил плечи и начал заново. – Я рад, что ты здесь, потому что у меня есть новости. Прошлой осенью король Марко прислал письмо, в котором выразил желание обручить с тобой своего старшего сына.

Я резко вздернула голову, не ожидая такой резкой смены разговора и отцовских эмоций: с ностальгической нежности на непоколебимую решимость. Он продолжил прежде, чем я смогла придумать ответ.

– Я не стал медлить и отправил ему твое согласие. Если...

– Что? – перебила я. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, и у меня задрожали руки. – Я ни на что не соглашалась.

Он сжал губы, и у его решимости появился слабый привкус сожаления. Мне это не понравилось.

– Ты не можешь заставить меня выйти замуж, – настаивала я. – Это...

– Это решено, – сказал он и потер шею, где еще несколько минут назад висела цепочка Медальона.

Мой рот открылся, но из него не донеслось ни звука. Уже много веков в нашем королевстве существовали законы, защищающие граждан от насильственного вступления в брак.

Так и не дождавшись ответа, отец прочистил горло.

– Посыльный прибыл этим вечером. Принц приглашает тебя в Турию на месяц, чтобы оценить возможность этого брака. Я уже отправил ответ с твоим согласием. – Значит, вот какое письмо он так торопился отослать. Наконец отец перестал избегать моего взгляда и посмотрел мне в глаза. – Если тебе что-то не понравится и ты захочешь разорвать помолвку – я тебя поддержу.

Покачивая головой, я вскочила на ноги. Подол платья оказался зажат под моим каблуком, и я со злостью дернула плотную ткань, смяв ее в кулаке.

– Тогда зачем ты отправил письмо с согласием, которого я не давала? К чему эта секретность?

– Бои на нашей границе должны были прекратиться еще месяц назад, но с тех пор все стало только хуже. Большая часть наших людей уже не те воины, какими они были прежде, а придворные...

– Но я же не виновата, что эти ленивые аристократы не в состоянии удержать в руках мечи. В отличие от них, все эти годы я тренировалась...

Отец поднял руку, прерывая мой отчаянный поток слов.

– Нам нужна поддержка Турии, особенно если тут замешана магия. К тому же Рииганы убеждают Марко вступить с ними в союз, которого он не хочет.

Я скрестила руки на груди, чуть шире расставив ноги.

– Ты согласился на этот брак прежде, чем начались нападения, – сказала я, стараясь сохранять спокойствие, чтобы он прислушался к моим доводам. – О чем ты недоговариваешь?

Мой отец тяжело и протяжно вздохнул. За окном завывал ветер, в камине тихо трещал огонь, и я терпеливо ждала, пока он продолжит.

– Дело в Медальоне. – Он начал расхаживать из стороны в сторону, и его струна натянулась от нарастающей тревоги. – Он посылает мне предупреждения на протяжении уже нескольких недель, а если быть совсем честным – нескольких месяцев.

– Предупреждения? – спросила я, в надежде, что он расскажет больше. Прежде он никогда не говорил мне о Медальоне. – Насчет границы?

Он кивнул.

– Медальон Провидения не указывает четкого пути: лишь посылает своему владельцу предостережения. Что-то грядет. Я сделал все возможное, чтобы защитить наши границы, но это сообщение о следах магии... – он задумался и умолк.

Я решительно выступила вперед.

– Отец, я могу помочь.

– Нет, – отрезал он, взмахнув рукой. – Мне нужно, чтобы ты отправилась в Турию.

– Но я не хочу! – эти слова сорвались с моих губ прежде, чем я подумала, что стоило бы попридержать язык.

– Я подписал документы! – отец ударил ладонью по столу, и официальные бумаги разлетелись в разные стороны. – Это уже решено. Только так ты можешь помочь.

И вдруг все встало на свои места: я поняла, что чувствовал Рен, покидая отцовский кабинет. Это была вина. Он знал о помолвке, но как давно? Я подавила щемящую боль в сердце, решив, что с братом буду разбираться потом.

– В Турии ты будешь в безопасности, – пробормотал отец себе под нос, потирая лоб широкой ладонью.

Я проглотила резкое возражение и обратилась к своим внутренним ощущениям, чтобы разобраться в его эмоциях. Смятение, тревога. Сожаление.

Я опустилась в кресло, сложив руки на коленях.

– Ты ведь не хочешь отправлять меня в Турию, – мягко сказала я. – Ты и сам это знаешь.

Его глаза медленно закрылись, а брови сомкнулись на переносице.

Я облизнула губы, надеясь, что все-таки смогу доказать свою верность Халенди.

– Я могу отправиться в Северный Дозор с Реном или...

Отец резко открыл глаза. В них сияла яростная решимость, и по тому, как расправились его плечи, я поняла, что он останется непреклонен.

– Я не отправлю тебя в зону военных действий, даже если ты останешься последним воином в Халенди, – он отвернулся и принялся изучать гобелен, висевший за спинкой его кресла.

Скрыв свое разочарование, я вновь заговорила, осторожно подбирая слова:

– Отец, я хочу помочь. В боевом мастерстве мне нет равных. Я уверена...

Он ущипнул себя за переносицу.

– Я знаю, что ты хороша в тренировочном зале, но на этом все, Дженесара. Тренировочный зал. У тебя нет настоящего боевого опыта.

Я вскочила на ноги и ударила ладонями по столу.

– И чья это вина? Все, чего я хотела – доказать свои способности за пределами дворцовых стен, но ты сделал все возможное, чтобы удержать меня. А теперь ты говоришь, что меня упакуют, как подарок, и отправят в другую часть света, чтобы выдать замуж за принца, которого я никогда не видела, и заставить притворяться, что чужое королевство, где я ни разу не была – мой дом. Я всегда делала то, о чем ты просил, но ровно в тот момент, когда мои способности могут принести пользу, когда я могу помочь своему брату и королевству, ты отсылаешь меня прочь?

– Я не могу отправить тебя на границу! – закричал отец.

Его глаза горели, а вены на шее вздулись и запульсировали, но, когда он заговорил вновь, его голос был тихим.

– Я не могу отправить тебя на границу, – он опустил взгляд. – И не буду, – отец снова посмотрел на меня, и в его глазах отразилась глубокая печаль вперемешку с усталостью. – Мы посылаем на север дополнительные войска. Атарен направит их туда, где они нужны больше всего, чтобы предотвратить дальнейшие нападения на нашу границу.

У меня пересохло горло, а внутри все похолодело.

– Ты только что сказал, что у нас не хватает войск.

– Это часть соглашения о помолвке. Когда ты выберешь день свадьбы, король Марко отправит нам на помощь своих солдат.

Я откинулась на спинку кресла. Значит, чем скорее я приму свою судьбу, тем скорее мой народ перестанет умирать на границе. Однажды в детстве, на озере, я провалилась под лед: в тот момент я испытала те же самые ощущения.

– Ты сказал, что поддержишь меня, если я найду причину для разрыва помолвки, – мне казалось, что с каждым выдохом стены кабинета смыкаются все теснее.

Отец опустился в свое кресло.

– И я сдержу свое слово. Найду способ.

Но я чувствовала его надежду. Надежду на то, что я выйду замуж.

Я сложила ладони у себя на коленях. Внутри меня как будто появился надлом, через который медленно вытекала злость, растерянность и горе. Мне хотелось ухватиться за какое-нибудь чувство, но осталась лишь пустота.

– Когда я должна уехать? – спросила я, раскусывая предложение на отдельные слова, горечью отдававшиеся на языке.

– На следующий день после твоего семнадцатилетия. Рен проводит тебя до окраинных деревень Халенборга, а затем незаметно покинет процессию.

Из моих легких исчез весь воздух.

– Так скоро?

Я так ждала своего дня рождения, не подозревая, что в этот праздник мне придется попрощаться со своим домом.

– Мы не можем медлить, – отец совсем сгорбился, становясь похожим на старика. – Мне нужно, чтобы ты это сделала, и что важнее – это нужно Халенди.

Его слова поразили меня, заглушив все приготовленные возражения. Я встала и расправила платье.

– Я – принцесса Халенди, – сказала я, припомнив, как много раз отец использовал эту фразу, чтобы увещевать меня. – Я исполню свой долг перед королевством, – слова горчили на языке, и мой голос надломился, превратившись в чуть слышный шепот. – Но ты знал об этом на протяжении многих месяцев, а мой день рождения уже завтра. Почему ты не сказал мне раньше?

Тусклый свет огня в камине отбрасывал блики на его седые волосы и подчеркивал все морщины на лице отца.

– Дженесара, я... – он сглотнул и беспомощно поежился. – Потому что я надеялся, что мы справимся своими силами. Мне нужен был запасной вариант. Но записка, которую ты нашла, лишь подтверждает: среди нас есть предатель. Мы больше не можем медлить.

В его словах была логика – я это понимала, – но глубокая обида не давала мне ответить.

– Мы объявим о помолвке завтра, в конце праздника, – он прижал ладонь к губам, словно хотел забрать свои слова назад. Но они уже прозвучали. Отец уже подписал договор.

Поднимаясь с места, я чувствовала, как во мне борются горечь, злость и сожаление: чувства, принадлежащие не только мне, но и моему отцу.

– Спокойной ночи, Ваше Величество.

Я медленно направилась к двери, надеясь, что отец произнесет хоть одно доброе слово, чтобы залечить раны моего сердца, но он молчал. Сосредоточившись, я заглушила его струну. Было просто невыносимо переживать все его эмоции, когда горло душили мои собственные.

Мой мир перевернулся, и моя жизнь рассыпалась, как осколки льда. Как мне найти свое место в чужой стране, когда я не могла найти понимания даже здесь, в месте, где я родилась и выросла? Как я буду скрывать свою магию под пристальным взглядом целого королевства?

Я шла по коридорам замка, находясь в каком-то странном оцепенении и старательно избегая ярких огней обеденного зала. Тренировочная площадка манила меня, призывая разрубить цепи, которые сковали мое сердце. Но как я могла победить в схватке, где противниками были мой секрет, мой отец и все мое королевство?

Вместо этого я побрела наверх в свои покои. В камине горело всего одно полено, и комната почти не прогрелась. Мой меч, который Мастер Хафа приказал выковать специально для меня прежде, чем отец успел это запретить, лежал на софе рядом с камином. Моя свобода или мое королевство: в любом случае я оказывалась проигравшей. Невозможный выбор.

Мои мысли вернулись к обгоревшему клочку бумаги и тревожному беспокойству, которое отец чувствовал уже не первый месяц. Наконец я поняла, что вопрос не в том, кто написал ту записку. Самое главное – кто ее сжег.

Глава вторая

Тренировки с Мастером Хафой – специалистом по оружию – всегда заставляли меня вставать рано, еще до того, как солнце осветит холмы. Но сегодня, в день своего рождения, я только поплотнее накрылась пуховыми одеялами. Отец подписал договор о помолвке за меня, портниха выбрала для меня платье на сегодняшнее празднество, но, по крайней мере, я все еще могу сама решить, когда мне вставать с постели.

Всю ночь мой разум был слишком занят раздумьями о том, кто мог написать записку, кто ее сжег и что ждет меня в Турии. Много месяцев я ждала этого дня, но теперь это был не просто мой день рождения. Это был день, когда о моей помолвке официально объявят на все королевство, а мне придется вести себя так, словно в моей жизни ничего не изменилось. Как будто в Турии меня не ждал незнакомый жених, ради которого я завтра же покину родной дом, а в замке не появился предатель.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату скользнули три служанки. Я застонала, натянув одеяло на уши.

– Даже не представляю, что у него на уме, – сказала одна из женщин перед тем, как все трое зашли в маленькую комнату, служившую мне гардеробной.

– Что вы делаете? – проворчала я сонным голосом. – Где Элейн?

Шаркая ногами, самая высокая из них вышла из гардеробной с кучей платьев и бросила их на спинку стула.

– Ваша служанка очень занята. Его Величество приказал нам приготовить ваши вещи для долгого путешествия и дал на это один день, можете себе представить?

Две другие женщины вышли следом за первой, держа в руках золотые и серебряные цепи, обычно украшающие корсажи моих платьев, а также пояса с искусной гравировкой, которые я надевала только в особых случаях. Все трое смотрели на меня, но их лица не выражали никаких эмоций. Мне очень хотелось сказать, что я не хочу уезжать и что я делаю все это ради них, ради Халенди.

Ради кого угодно, кроме себя самой.

Но я промолчала. В доме моего отца не имело значения, чья ты дочь: и принцесса, и крестьянка должны были беспрекословно подчиняться приказам. К тому же, если эти служанки узнали о моем путешествии, то сплетни разлетятся по дворцу уже к вечеру и, несомненно, достигнут ушей того, кто сжег записку.

Служанки перекинулись выразительными взглядами, которые я видела и раньше, но никак не могла расшифровать, и поспешили обратно в маленькую комнатку, чтобы решить, какие элементы моего «ошеломляюще скудного гардероба» стоит упаковать в дорогу.

Я снова застонала и прижалась щекой к подушке. Как же я буду по ней скучать!

– Ладно, – проворчала я, откинув одеяло и опустив ноги на плетеный ковер. Это было немногим лучше, чем стоять на ледяном полу. Мой гардероб быстро пустел, лишаясь платьев, шалей и изящных бальных туфель, но тренировочная экипировка так и осталась нетронутой.

Я нахмурилась и натянула старые штаны, мягкую бордовую тунику и свой любимый свитер с замысловатым узором в виде снежинки на одном плече. Затем я собрала одежду, которую три женщины намеренно упустили из виду: кожаные сапоги с теплой подкладкой, мои лучшие штаны и три свободные рубашки. Закончив, я затолкала все вещи в кучу платьев, выбранных служанками.

В своей купальне я снова переплела косу, чтобы надежно спрятать белую прядь. Это был мой последний день в замке, и меня ожидало множество дел.

Темные коридоры были разрезаны тонкими полосками розового утреннего света, и я перешла на быстрый шаг, чтобы хоть немного согреться. Королевская библиотека занимала южное крыло замка, скрывая в своих недрах позабытые всеми знания, накопленные за несколько веков. Эти знания должны были помочь мне расшифровать записку.

Я скользнула за высокую дверь библиотеки и удовлетворенно выдохнула. Я ничего не могла с собой поделаться. Несмотря на опасности и неизбежные изменения, безмолвное присутствие пыльных книг умиротворяло мою душу. Я поняла, что буду скучать по библиотеке куда больше, чем по собственной комнате и даже тренировочной площадке.

Это была самая замечательная комната во всем замке: с высокими потолками и широкими окнами, которые обрамляли пушистые облака, переливающиеся розовым и оранжевым на фоне светло-голубого неба. Сквозь стекла пробивался тусклый свет. Тяжелые синие портьеры, висевшие по обе стороны от окон, защищали кожаные переплеты манускриптов от ярких солнечных лучей, а за ними скрывались альковы, в которых легко было спрятаться. В плотном воздухе витал запах спокойствия и пыли. Я прошла вдоль полок, проводя кончиками пальцев по толстым корешкам.

Ноги сами направились в запрещенную для меня секцию. Здесь стояло всего несколько рядов книг, посвященных магии. Их не хватило бы даже для того, чтобы заполнить целую полку. Однажды отец поймал меня за чтением истории магов и, с шумом захлопнув книгу, запретил мне изучать магию под угрозой пожизненного отлучения от библиотеки.

Это ужасно меня злило, но я не могла рисковать. Мне нужно было сохранить свой секрет. Я была принцессой, которая сражалась, как солдат, и которую всю жизнь держали в стенах замка. Обо мне и так ходило множество слухов, и я не хотела давать сплетникам лишнего повода для разговоров.

Но теперь я уезжаю. Совсем скоро я перестану быть Халендийской принцессой.

Я взяла с полки тяжелую стопку книг и села за деревянный стол возле окна. Перелистывая страницу за страницей, я быстро пробежала глазами по каждой строчке в поисках любой информации о магической библиотеке или о ключе к ней.

После долгой, бессонной ночи я пришла к печальному выводу: загадка обгоревшей записки предназначалась не для меня. Я все равно не смогла бы выяснить, кто ее написал, а тем более, кто ее сжег. Не за один день.

Но я все еще могла узнать что-нибудь о магической библиотеке. Я хотела сделать хоть что-нибудь, что бы помогло облегчить миссию моего брата в Северном Дозоре и успокоить тревоги отца.

Я захлопнула первую книгу и принялась за вторую, а затем за все последующие. Магическая библиотека упоминалась лишь вскользь, как оплот текстов и артефактов, сохранившихся после изгнания магии с Континента в результате Великой Войны.

Мне было позволено изучать войну, ведь ее завершение стало началом истории Халенди. Когда первый император наконец сокрушил жадных до власти магов, раздирающих Континент на части, он запретил все, связанное с магией: манускрипты, артефакты и источники знаний. Сын императора стал первым королем Халенди.

Моя рука замерла над следующим переплетом. Турия. Кто-то положил ее не на ту полку? Нахмурившись, я открыла потрепанную книгу и вдохнула запах, напоминавший о древнем мускусном лесе. Страницы были такими старыми, что пергамент казался почти прозрачным.

Я изучала королевство наших южных соседей со своими преподавателями и знала, сколько зерна они производят в год и сколько фруктов приносят их рощи. Их целители были лучшими на всем Плато, и, может, даже превосходили врачей Континента.

Я знала об этом королевстве так много, и все же не могла представить себя среди его жителей. Хотя теперь, когда Рен собрался в Северный Дозор, я не была уверена, что могу представить себя здесь без него.

Мои пальцы водили по страницам, прослеживая выцветшие строчки. Вдруг меня привлекло краткое упоминание магии. Я вернулась к началу страницы и внимательно прочитала весь абзац, но в нем говорилось лишь о турийском писаре, который изучал магическую историю и знания. Все его записи хранились в библиотеке королевского замка Турии. Возможно, я смогла бы продолжить свое расследование там, а после отправить домой всю найденную информацию о магической библиотеке. Мой желудок вновь завязался в узел, но я продолжила читать дальше.

В книге были заметки о турийском гончарном мастерстве, изготовлении бронзовых статуй, местных видах оружия, государственном управлении и о том, как на протяжении веков их язык менялся под влиянием Халенди. На страницах вспыхнула золотая искра, и я начала листать назад, пока не нашла то, что привлекло мое внимание.

Это было изображение турийской семьи. Я посмотрела на подпись: Королевская Семья. Иллюстрация была датирована числом столетней давности. Не в состоянии отвести взгляд, я нервно сглотнула. Четыре долговязых темноволосых мальчика окружали женщину с тугими кудряшками, а рядом с ней сидел густобровый мужчина. Я подперла подбородок рукой, чтобы он перестал дрожать. У всех членов семьи были довольно нелепые носы.

Все четверо мальчишек были одеты в свободные рубашки без воротников с тремя пуговицами у горла, заправленные в прямые брюки. Сами брюки были заправлены в высокие сапоги. Поверх они носили вышитые узорами жилеты всех оттенков коричневого и золотого. Черты их лиц не были такими же острыми и строгими, как у мужчин, которых я привыкла видеть вокруг себя, а самой интересной деталью оказались их темно-карие глаза.

Я провела по странице кончиками пальцев, и у меня в животе защекотало от любопытства. Меня почти не выпускали за ворота замка. Однажды мы с мамой поехали в ее родной город, а сразу после этого она заболела и умерла. С тех пор отец запретил мне уезжать далеко от дома, и я лишь иногда спускалась в город, окружавший наш замок. Я ненавидела свое вынужденное затворничество, но все же понимала причину отцовского волнения и страха. Его эмоции передавались мне через соединяющую нас нить. Именно страх заставил его отправить меня в Турию.

Всеми своими знаниями об окружающем мире я была обязана книгам и Хранителю – смотрителю библиотеки и моему преподавателю, который знал меня с тех самых пор, когда я еще не могла держать в руках меч. Не знаю, что бы я делала, если бы в моей жизни не было книг и тренировок, но Хранитель занимал в моем сердце особое место. Он отвечал на все мои вопросы с невероятным терпением, но чему бы он меня ни учил, я продолжала сгорать от желания увидеть что-то, кроме светлых волос придворных, снега и редких гостей из соседних земель.

На мое плечо опустилась чья-то рука. Не раздумывая ни секунды, я вывернулась, схватила человека за запястье и, резко отодвинув стул, ударила его по ногам.

– Boy!

Сжав губы, я отпустила запястье брата и глубоко вдохнула, стараясь унять дикое биение своего сердца.

– Сколько раз тебе повторять: не подкрадывайся ко мне, – мои слова прозвучали резче, чем мне хотелось.

Хотя его внешний облик не изменился со вчерашнего дня, Рен больше не выглядел как тот мальчик, что научил меня сражаться, когда мы оба были маленькими. Он все еще был высок и широкоплеч, а кончики его светлых волос касались края воротника. На виске брата серебрилась белая прядь: магический символ наследника престола, гордо выставленный напоказ. Рен был добрым и очаровательным. Он был лидером. Наши пути всегда должны были разойтись: он будет королем, а я... кем-то еще. Но я не знала, что у нас будет так мало времени.

А еще... он не рассказал мне о помолвке.

В ответ на мою резкую реплику Рен наклонил голову набок и отпихнул меня в сторону, чтобы сесть на соседний стул.

– Мне нравится рисковать.

– Хочешь умереть раньше времени? – сказала я, пряча картинку с длинноносой турецкой семьей под другими книгами.

– Разве принцессы не должны быть скромными и сдержанными? – спросил Рен, театрально хлопая ресницами.

Я фыркнула.

– Я – принцесса воинов. Не подкрадывайся ко мне.

Он отклонился назад и вытянул ноги под столом.

– Вот поэтому отец и хочет, чтобы ты носила платья. Так сложнее прятать оружие, а значит, снижается вероятность, что ты случайно кого-то заколешь.

Он схватил верхнюю книгу за уголок и повернул к себе, чтобы прочитать название.

– История Великой Войны? – спросил он. – Роемся на запретной полке?

Я сжала губы и поборолла поднимающуюся волну раздражения.

– Вряд ли отец сможет придумать для меня новое наказание. Он и так отправляет меня прочь.

Рен поерзал на стуле. Струна его эмоций задрожала, но для того, чтобы ощутить нервность брата мне не нужна была магия.

– Зато мы поедем вместе, – сказал он, оглядывая пустую библиотеку.

Я поскребла ногтем черный узел на темном деревянном столе.

– И давно ты в курсе?

– Насчет помолвки? Я узнал о ней только вчера вечером. До этого отец держал все в тайне.

– Кому еще он рассказал? И почему меня там не было? – Я сглотнула. – Почему ты меня не предупредил?

Рен поежился.

– Там были только я и генерал Леланд. Я как раз был на встрече с отцом, когда генерал прибыл из Северного Дозора. Отец сказал, что он должен будет сопровождать тебя в Турию, и все вышло само собой, – брат вздохнул. – Прости. Я должен был тебе сказать.

Я кивнула, принимая его извинения.

– Ты не хотел быть первым, кто сообщит мне эту новость, – сказала я с тяжелым вздохом. – Думаю, на твоём месте я бы тоже промолчала. – Я взяла из стопки верхнюю книгу, открыла карту Плато и провела пальцем по территории Пустоши в сторону западных Диких Земель. – Ты знаешь, кому не доверяет отец?

Рен покачал головой, и на его лице появилось непривычно серьезное выражение.

– Он волновался насчет границы, но я и не думал, что он не доверяет своему собственному совету.

Какое-то время мы сидели в тишине.

– Мне кажется, что тебе не стоит ехать в Северный Дозор, – тихо сказала я и тут же почувствовала, как внутри него вспыхнуло раздражение. – Но это не потому, что я в тебя не верю.

Рен покосился на меня.

– Не читай мои эмоции, это нечестно.

Я пожала плечами.

– Это все, на что я способна. После всех неудобств, которые доставила мне магия, глупо было бы ее не использовать. Может, если бы мы рассказали обо

всем отцу – вместе у нас получилось бы выяснить: вдруг я могу что-то еще? Тогда я могла бы использовать свою магию, чтобы помочь в Северном Дозоре...

– Нет, – тихий голос Рена прервал мои размышления. – Мы не будем этого делать. Отец связан законами и несет ответственность перед своим народом.

– Но я никогда не буду претендовать на твой трон! Я знаю, что сотню лет назад одна сумасшедшая унаследовала магию и попыталась убить своего брата, но это не значит, что я сделаю то же самое!

Рен наклонился ближе, поставив локти на стол.

– Мы уже говорили об этом. Кто-нибудь начнет требовать, чтобы ты заняла трон. Пока неизвестный враг нападает на наши границы, мы не можем позволить себе даже малейшего раскола.

Моя голова начала болеть от недостатка еды и сна.

– Я знаю, – сказала я и задумалась, подбирая нужные слова. – Рен, почему отец не использовал свою магию, чтобы прекратить нападения?

Я смутно помнила, как он двигал валуны и копал ямы без лопаты, но с тех пор прошло много лет. При дворе шептались о том, как давно на троне не сидело короля, способного управлять землей, может быть, со времен самого Каиса – самого первого правителя Халенди.

Рен поерзал на стуле и коснулся цепочки на своей шее.

– Магия отца совсем слаба. Он целиком полагается на магию Медальона, которая направляет его.

Я облизала губы и уставилась на его грудь.

– Каково это? – с благоговением спросила я.

Взяв Медальон в руки, Рен ухмыльнулся и протянул его мне, не снимая цепочки со своей шеи.

Мои глаза широко распахнулись, и я ухмыльнулась в ответ. При первом же прикосновении, мои пальцы начало пощипывать.

Мое дыхание сбилось от волнения. Я провела пальцами по древним рунам.

– Я не знала, что сзади тоже что-то есть, – прошептала я, изучая руны, разбросанные на поверхности Медальона в случайном порядке. – Ты знаешь, что они значат?

Рен пожал плечами.

– Думаю, это отметки мастера, который его изготовил.

– Ты чувствуешь себя как-то иначе?

По его нити до меня донеслась легкая неуверенность, и он пожал плечами.

– Может немного. Отец говорит, что со временем я научусь доверять Медальону.

Мне стало жаль, что я не смогу увидеть, как брат учится пользоваться Медальоном. Мои плечи опустились, и я откинулась на спинку стула.

– Мне хотелось бы, чтобы у нас было больше времени. – В моем горле встал ком, и я обхватила голову руками. – Я хранила свой секрет всю жизнь, потому что боялась, что меня куда-нибудь отошлют. А теперь я все равно уезжаю.

Ухмылка Рена померкла, и он убрал Медальон. Брат потер ногу, а затем потянулся к стопке книг, лежащей напротив.

– Нашла что-то полезное? – он обвел взглядом открытые страницы.

Я пожала плечами.

– В общем-то нет. Всем известны легенды о магической библиотеке, которая защищена могущественными чарами, но я не нашла ни слова о ключе. Даже намек на его местонахождение.

Рен начал разбирать стопку, пока не добрался до иллюстрации с турийской королевской семьей. Я попыталась захлопнуть книгу, но он успел положить руку на страницу и подтянуть книгу к себе.

– Изучаем магию, а? – его улыбка искривилась. – Магию... и турийских мужчин?

Мои щеки вспыхнули румянцем, и я с глухим стуком опустила лоб на стол.

– Как я справлюсь с этим одна?

– Думаю, весь смысл помолвки в том, что ты не будешь одна, – он поиграл бровями, и его глаза хитро засверкали.

Я пихнула Рена достаточно сильно, чтобы он упал со стула, но брат успел схватиться руками за стол. Под его смешливым настроением скрывалось беспокойство: я чувствовала это благодаря связующей нити.

– Я серьезно, Рен. Да, я немного знакома с их традициями, но не так хорошо, чтобы выйти замуж за их принца. Мне... – Я потеряла свою косу. – Мне все равно придется ее прятать?

Рен сжал губы и посмотрел в окно.

– Ты не должна никому рассказывать о своей магии. Никогда, – он прошептал это так тихо, что я с трудом разобрала слова.

Внутри меня все похолодело. Мои ледяные пальцы захлопнули книгу с турийской семьей и их странными носами. Даже в незнакомой стране, начиная новую жизнь, я могла рассчитывать лишь на сомнительное затишье.

Я никогда не стану там своей. Даже изучив все их традиции и законы, я все равно останусь Халендийской принцессой.

Я предпочитала мечи и грязную тренировочную площадку драгоценностям и роскошным гостиницам. Я обладала магией.

Рен прочистил горло и толкнул меня в плечо.

– Просто не обращай ни на кого внимания, как ты всегда это делаешь. Это все равно лучше, чем выйти замуж за какого-нибудь рыбаголового из Рииги.

Я попробовала стряхнуть свою меланхолию. Это был мой последний день дома.

– Даже если у него будет такой длинный нос, что он не сможет меня поцеловать?

Смех Рена прогремел на всю библиотеку.

– Конечно, он не сравнится со мной в красоте, но, может, с годами он достаточно подрос для своего носа?

Я закатила глаза.

– Значит, – я облизнула губы, – ты одобряешь этот союз?

Рен однажды встречал турийского наследника во время государственного визита, но я была слишком увлечена тренировками, и какой-то заграничный принц интересовал меня в самую последнюю очередь.

Рен потел шею.

– Честно говоря, он довольно скучный. И слишком много о себе воображает. – Я застонала. – Но ты станешь королевой целого королевства. А если мы вернем себе контроль над северной границей...

– Договор подписан. И тебе нужны войска.

Брат почесал за ухом.

– Я всегда могу пригрозить, что отрекусь от престола и уеду жить в какую-нибудь деревню вместе с тобой, – он улыбнулся и поднял брови, но я чувствовала его напряжение, натянутое тонкой струной между мной и отцом,

между долгом и желаниями.

– В деревне ты не раскроешь весь свой потенциал, Рен, – я не могла спокойно думать о том, как брат отправится в бой, но не собиралась вставать между ним и его долгом. – Ты отлично справишься в Северном Дозоре. Разберешься со всем за неделю, – собрав все свои силы, я криво улыбнулась одной стороной лица.

В его глазах заискрилась ответная улыбка.

– Неделя? Спорим, что я разрешу все проблемы за пять дней?

С моих губ слетел одинокий смешок, но я быстро сглотнула, прежде чем смех мог бы превратиться в слезы.

– Я так за тебя волнуюсь, – прошептала я.

Рен понизил голос, и на его лице отразилась необычайная серьезность.

– Я знаю, Джена. Но у тебя есть нити, с помощью которых ты всегда можешь убедиться, что со мной все в порядке. Или, – его губы дрогнули, – почувствовать мою смерть в тот же момент, как остановится мое сердце.

Я пихнула его локтем в живот.

– Ни капли не смешно, Рен.

Брат уклонился от моей руки, но его стул опасно накренился, и он шлепнулся на пол. Под мой громкий смех он поднялся на ноги и с ухмылкой на лице отряхнул свою одежду.

– С днем рождения.

Мои губы медленно растянулись в улыбку, и я взяла подарок у него из рук. Он был маленький и прямоугольный, размером не больше моей ладони.

– Открывай, – поторопил Рен.

Я закусила губу и сорвала оберточную бумагу. Передо мной лежала книга в кожаном переплете. «Флора и Фауна Диких Земель».

– Спасибо, – сказала я, прижав подарок к груди.

Брат пожал плечами, но его скулы приобрели бледно-розовый оттенок.

– Леланд и Хафа защитят тебя в Диких Землях, если ты не будешь съезжать с дороги, но так ты хотя бы не будешь мучить их расспросами про каждое странное растение.

Я сжала маленькую книгу в руках и глубоко вдохнула.

– Это идеальный подарок.

Прочистив горло, Рен упер руки в бока.

– Больше никакой грусти в собственный день рождения. Скоро подадут завтрак, и...

О нет.

– Ледники! – Я вскочила со стула и поспешила закрыть все книги. – Я не могу. Мастер Хафа ждет меня на тренировочной площадке!

Рен забрал стопку книг у меня из рук.

– Я отнесу подарок в твои покои. Тебе лучше поспешить. Если ты опоздаешь, он заставит тебя наматывать круги вокруг замка, даже несмотря на твой день рождения.

– Спасибо! – крикнула я, выбегая в коридор.

В это время все слуги обычно уже были на ногах и сновали по замку, занятые своими делами, но, по крайней мере, никто из придворных не видел, как я несусь по коридорам, мимо кухни и через арку, ведущую во двор.

Белые гранитные стены сияли в утренних лучах солнца, пока я бежала по земляным тропинкам прямо к круглым казарменным постройкам. Открыв дверь ударом сапога, я поежилась от прохладного утреннего воздуха и вошла внутрь.

По размерам казарма не уступала обеденному залу, но имела круглую форму. Грубые каменные стены стояли здесь веками, но деревянные двери и железные ставни, закрывавшие длинные узкие бойницы под самой крышей, были гораздо новее. Ветер задувал внутрь через множество щелей и отверстий, но, как всегда говорил Мастер Хафа, настоящие бои редко ведутся под крышей. Большую часть пространства занимали две кольцевые тренировочные площадки, огражденные низким забором: большая для солдат и маленькая для знати. Последняя пользовалась небывалой популярностью каких-то пятьдесят лет назад, но теперь всегда пустовала.

Я пробралась сквозь толпу, собравшуюся вокруг большого кольца, в надежде найти Мастера Хафу. Вдруг я почувствовала легкую щекотку между лопаток, словно за мной кто-то наблюдал. Обернувшись, я увидела только генерала Леланда – самого титулованного командира королевских войск. Он стоял, прислонившись к стене, и внимательно наблюдал за главным состязанием. Его присутствие напоминало о том, что совсем скоро я покину родную страну, и по моему телу пробежали мурашки. Как советник и друг моего отца, генерал, должно быть, знал о помолвке. Кому еще он мог об этом рассказать?

Я подобралась к кольцу как раз вовремя, чтобы увидеть, как Крис наносит своему противнику решающий удар. Толпа, собравшаяся вокруг, начала хлопать и выкрикивать поздравления победителю, но я была слишком зачарована его взглядом.

– Дженесара! – крикнул он, тяжело дыша после боя. – Выйдешь против меня? Это моя четвертая победа за сегодня, так что у тебя есть шанс выстоять.

В толпе поднялся насмешливый гул.

Смущенная его вниманием, я почувствовала, как мои щеки начинают краснеть.

– Ты же знаешь, Крис, я не могу отказаться от такого вызова!

Мужчины и женщины в военной форме начали выкрикивать слова поддержки своим фаворитам, но сторонники Криса были заметно громче. Большинство обычно выступало не за кого-то определенного, а просто против меня: я победила всех возможных противников, кроме Мастера Хафы. В тот день отсутствие их поддержки жалило особенно сильно. Это был мой последний день в замке, который я считала домом. Последний день, когда я могла стоять в пыли тренировочного кольца, потная от боя. День моего рождения.

Стянув свитер, я повесила его на низкое деревянное ограждение и подула на свои ладони, чтобы немного согреться. По очереди я забросила руки за шею, а затем размяла ноги, пружиня на ступнях. В тот день мне особенно сильно хотелось приставить лезвие меча к чьему-нибудь лицу.

Из толпы появился Мастер Хафа, протягивающий мне длинную деревянную палку. Затем он кивнул Крису.

– Можете начинать, – объявил он своим хриплым голосом.

Я прижала сомкнутый кулак к противоположному плечу и взяла палку у него из рук. Взвешивая ее в руке, я не могла удержаться от ухмылки. Когда мне было пять, Рен научил меня, как превратить свой рост и скорость в преимущество, и сражение на тренировочных палках было моим любимым видом боя.

Рен покидает меня.

Эта мысль пришла ко мне внезапно, и мне с трудом удалось от нее избавиться. Когда противник повернулся ко мне лицом, я уже взяла под контроль все свои эмоции.

Крис был выше, сильнее, и его присутствие всегда сбивало меня с толку, но я была быстрее и родилась для того, чтобы сражаться.

Я крепче сжала палку и приняла боевую стойку, вдыхая запах грязи, пота и боевого предвкушения. Мы с Крисом начали кружить по тренировочной площадке, и он ухмыльнулся мне с противоположного края. Я ухмыльнулась в ответ.

Наконец он выступил вперед и нанес первый удар, прицелившись мне в ноги. Казалось, что время замерло. С началом боя ко мне всегда приходила спокойная ясность: мое зрение обострялось, звуки становились громче, и я чувствовала каждый порыв ветра, каждый вздох, каждый взмах оружия противника. Я мысленно поприветствовала знакомую вибрацию, встряхнувшую мои кости, когда наши палки соприкоснулись, и, подпрыгнув, быстро крутанулась в воздухе, ударив Криса в плечо. После приземления мне нужно было перегруппироваться, и Крис воспользовался этим мгновением, чтобы откатиться назад и подготовиться к следующей атаке.

– Тебе не обязательно со мной церемониться, – поддразнил Крис, безуспешно пытаясь сдержать улыбку.

– Я не хочу испортить твое лицо еще больше, ведь это самое ценное, что у тебя есть, – парировала я, отбивая удар, нацеленный на мои ребра. – Кроме того, – я хрипло выдохнула, отталкивая его назад. – Моему брату нужен хотя бы один не изуродованный друг, чтобы сдерживать его непомерное самолюбие.

Следующий выпад пришелся слишком высоко, и я уклонилась влево, хлестнув его по ногам при повороте. Крис вскрикнул и отпрыгнул назад, чтобы избежать удара в шею.

– Боже, принцесса, неужели вы только что назвали меня красивым?

Я оскалилась, прицеливаясь в его колени. Палка Криса задела мое плечо. Я парировала следующий удар и отступила назад.

Толпа, наблюдавшая за сражением, кричала и свистела, но мне казалось, что это далекий гром за завесой проливного дождя: сплошной неразличимый грохот.

Я была обручена.

В моей груди вспыхнула злость, смешанная с разочарованием. Поражение – не вариант. Только не сегодня.

Я отступила еще на несколько шагов, и Крис усмехнулся, ожидая моего следующего хода. Он расправил широкие плечи, а его форма выглядела чисто и

аккуратно, несмотря на предыдущие схватки. И я побежала прямо на него. Глаза моего противника расширились, и он выставил свое оружие перед собой. С громким криком я оттолкнулась от земли, используя свою палку в качестве шеста, что позволило мне прыгнуть намного выше. Крис схватил меня за ногу прежде, чем я успела ударить его в грудь, и утянул меня вниз, следом за собой. Используя эту заминку, я резко повернулась и пригвоздила противника к земле, прижав древко к его шее, прямо под подбородком.

Мы с Крисом тяжело дышали, пока вокруг нас оседала пыль. Затем толпа разразилась овациями.

Я не могла сдержать довольной ухмылки, убирая палку от шеи побежденного и слезая с него. Крис продолжал лежать на земле, опершись на локти, а его глаза были широко раскрыты. С недоверчивым смешком он провел рукой по волосам и ненадолго замер, прежде чем отпустить светлые пряди. Я протянула руку, чтобы помочь ему встать на ноги, но теперь удивление, отразившееся на его лице, больше напоминало что-то похожее на восхищение.

Крис сжал мою ладонь и поднялся с земли, но вместо того, чтобы отпустить мою руку, он притянул меня ближе.

– Снег и лед, Джена, где ты выучила этот трюк? – он погладил мое запястье большим пальцем. Любому, кто наблюдал со стороны, показалось бы, что мы просто обмениваемся рукопожатием.

Я одернула руку и поежилась: от волнения у меня скрутило живот, и какое-то незнакомое чувство грозило пустить мурашки по моей спине.

– Не могу же я выдать все свои секреты. Тебе придется подумать, как победить меня в следующий раз.

– Принцесса Дженесара, – вмешался генерал Леланд, выходя из-за спины Криса и приветствуя меня почтительным кивком.

– Генерал, – ответила я и одернула тунику, прерывая зрительный контакт со своим недавним противником. – Как отрадно видеть, что вы вернулись из Северного Дозора в целостности и сохранности.

Будучи ребенком, я очень боялась генерала: его огромный рост и строгий взгляд всегда вызывали у меня чувство беспокойства. Рен всегда повторял, что мои страхи ничем не обоснованы, ведь Леланд всегда хорошо ко мне относился.

Натянутая улыбка генерала только подчеркивала темные круги у него под глазами.

– Я прибыл только вчера. Никак не мог пропустить ваш день рождения.

Я сглотнула и расправила плечи, не подавая вида, что мне понятен скрытый смысл его слов. Он приехал, чтобы сопроводить меня в Турию. Генерал повернулся к Крису.

– Лорд Крис, нам нужно поговорить.

Я выдавила улыбку и отступила на шаг назад. Леланд собирается рассказать обо всем Крису?

На лице Криса заходили желваки, но он лишь поклонился, вышел за ограждение и покинул казармы. Его мать умерла несколько лет назад, и, так как он никогда не знал своего отца, генерал Леланд взял юношу под свое крыло. Это событие значительно смягчило мое отношение к генералу.

Я потерла живот рукой. Наверняка Леланд скажет Крису, что я уезжаю. И, конечно, расскажет о помолвке. Я никогда не позволяла себе надеяться, что Крис станет для меня чем-то бо?льшим. Он всегда будет лишь лучшим другом моего брата, и все же, я почувствовала укол разочарования.

Повернувшись, я вернула палку Мастеру Хафе, забрала свой свитер и побрела обратно к замку. Леланд присмотрит за моим отцом, Крис присмотрит за Реном, а я найду все, что смогу, в библиотеке Турии и отправлю им письмо. Но сегодня я еще могу покататься на своей лошади и заглянуть в свои любимые уголки королевского сада. Затем служанки начнут торопливо готовить меня к вечернему балу.

Завтра я уеду.

Ощущение того, что я делаю все в последний раз, имело горьковато-сладкий привкус. Я была рада, что у меня есть последний шанс, но отсутствие всех будущих шансов вгоняло меня в тоску.

Пограничные земли Ледяных Пустынь

Пара высоких фигур в плащах с капюшонами стояла посреди выжженного города, покрытого пеплом и снегом. Предрассветное сияние востока подсвечивало их со спины, выделяя двух людей на фоне поднимающегося дыма.

– Где Редалия?

– У нее свои указания, – ответил человек с опущенными плечами. Из его носа стекала тонкая струйка крови.

– И почему я о них не осведомлен, Греймер?

В конце улицы над обрушившимся зданием поднялся новый столб пламени.

– Ты жив только благодаря мне и будешь следовать моим указаниям, как и Редалия.

Его собеседник хрипло вздохнул.

– А что насчет твоего нового союзника?

– Он не подведет.

– Я не ожидал, что после стольких лет они будут все так же сильны.

Улыбка медленно расплылась по лицу Греймера, и его серые зубы сверкнули в свете огня.

– Совсем скоро магические способности их рода не будут иметь никакого значения. – Он свистнул, и в поле зрения тут же возникла серая лошадь.

Второй человек склонил голову набок.

– Не стоит недооценивать противника. Мы ждали слишком долго, чтобы потерпеть поражение теперь.

Казалось, что тень Греймера становится все больше, несмотря на тусклое освещение.

– Нельзя недооценить мертвого противника. Я отомщу Каисовому роду.

– Но как же узы Каиса? Они узнают о твоём плане.

– Не узнают. – Греймер взобрался на свою серую лошадь. – Уж я об этом позабочусь.

Глава третья

Подошвы моих сапог оставляли грязные следы, пока я бежала по коридору. Я провела в саду больше времени, чем планировала, и не сомневалась, что швеи, пришедшие одеть меня к балу, будут еще ворчливее обычного. Повернув за угол крыла, отведенного под комнаты членов королевской семьи, я столкнулась с Элейн – моей служанкой.

– Вот ты где, – пожурела она. Элейн была старше всего на четыре года, но с самого первого дня нашего знакомства принялась по-матерински меня опекать. – Я повсюду тебя искала. – Учувя исходящий от меня запах пыли и пота, она сморщила нос. – Тебе просто необходимо принять ванну.

Я нахмурилась, но кивнула. Путешествие от Халенборга до Турианы – столицы Турии – занимало двенадцать дней, но письма могли преодолеть это расстояние всего за девять благодаря смене лошадей и посыльных на пограничных постах. Двенадцать дней до следующей ванной. Двенадцать дней до того, как я смогу найти в библиотеке Турии информацию о магической библиотеке. Двенадцать дней – и Халенди больше не будет моим домом.

Девушка вытянула руку, молча предлагая мне пройти в свои покои. По дороге она держалась моего темпа, но из уважения оставалась на шаг позади. Элейн была единственной, кого я могла считать своей подругой, и, хотя я понимала, почему она держится на расстоянии, такое положение вещей вызывало у меня отвращение.

– Как твой брат справляется в конюшнях? – спросила я, надеясь сократить возникшую между нами дистанцию другим способом.

– Ему нравятся лошади, а вот навоз – ни капельки, – мягко ответила она.

– Никому не нравится навоз. Поэтому они и оставляют уборку самым молодым конюшенным.

Она рассмеялась у меня за спиной.

– Опытные конюшенные настаивают на том, что это закаляет характер.

– И освобождает их самих от этого занятия.

Перед входом в мои покои я легко коснулась ее руки.

– Я буду скучать по тебе, Элейн.

Она похлопала меня по тыльной стороне ладони.

– Разве ты не слышала? Я поеду с тобой.

Я наклонила голову, и в моем сердце вспыхнула надежда, тут же задавленная чувством вины.

– Но... твой брат. Твоя семья...

Элейн улыбнулась мягко и искренне.

– Я не против. Путешествие по Плато – это же настоящее приключение. Я слышала столько историй про диковины Диких Земель, а нам доведется проехать через самое сердце этих краев!

Я сжала губы, стараясь удержать улыбку. Неужели она и правда с таким нетерпением предвкушала, как будет спать в шатре, или просто хотела меня подбодрить?

– Тебе придется остаться лишь до тех пор, пока я не освоюсь.

Но затем она вернется домой, а я – нет. Мои плечи опустились, и улыбка Элейн немного померкла.

– Это путешествие, оно... – начала девушка, но не договорила.

Я не хотела отвечать на вопрос, касающийся слухов: только не в коридоре, где кто угодно мог подслушать наш разговор. Поэтому я выдавила натянутую улыбку и кивнула в сторону своих покоев.

– Как думаешь, насколько сильно они разозлятся, когда узнают, что мне нужно еще и принять ванну?

Ее бледно-голубые глаза внимательно изучали мое лицо, но я не отвела взгляда, и ни один мускул на моем лице не дрогнул. Кивнув, она открыла дверь и жестом пригласила меня войти.

– Почему бы тебе не узнать это наверняка?

* * *

Служанки все еще сновали по моим покоям, собирая и складывая вещи, когда я оттерла грязь, накинула халат и переплела косу. Чтобы не мешать их торопливым сборам, мы остались в моей гостиной.

В камине горел огонь, но моя кожа все равно покрылась мурашками, когда я сняла халат, чтобы мне через голову надели платье. На несколько минут я

оказалась в плену шуршащей ткани, серебра и насыщенного темно-синего цвета. Затем несколько служанок помогли мне взобраться на маленькую табуретку и снова присоединились к общей суматохе, происходящей в соседней комнате.

Швеи привередливо осмотрели подол платья, проверили каждую бусинку и торопливо начали вносить все срочные изменения, которые казались им необходимыми.

Наблюдая за их работой, я чувствовала, как мой желудок скручивается в узел. В следующий раз такое же роскошное платье я надену уже на свою свадьбу. Эта мысль окончательно выбила меня из равновесия, и я громко выдохнула через нос, чтобы успокоить нервы.

– Руки выше, принцесса, – мягкий голос Элейн прервал мои раздумья, и я подняла руки, чтобы они могли завязать на моей талии широкую синюю ленту с замысловатой серебряной вышивкой.

– С таким нарядом вы точно окажетесь в центре внимания, – сказала Элейн с пронизательным блеском в глазах. Никогда прежде я не видела этого взгляда.

– Кто ты... Ауч! – вскрикнув, я бросила недовольный взгляд на женщину, уколотившую меня булавкой. Ее щеки тут же вспыхнули, но она даже не подняла головы.

Вспомнив про записку из камина, я сжала зубы. Предателем может оказаться кто угодно, его глаза и уши могут быть повсюду. Я медленно выдохнула и позволила швеям кружить вокруг, как голодным волчицам, проверяющим каждый шов. Все мои инстинкты были против того, чтобы я оставила отца в одиночестве разбираться с советом, которому он не доверял, но он ясно озвучил мне свою волю.

– О, принцесса, вы выглядите прелестно, – пробормотала Элейн.

Я не сомневалась в таланте швей. Платье было мастерским произведением искусства: синяя ткань, оттенка полночного неба, переливалась на свету, а вышивка на подоле словно оживала при каждом движении юбки. Но я никогда не питала особой теплоты к платьям. Официальные наряды были хуже всего:

юбки тяжелее, корсет туже, и совершенно негде прятать оружие.

Однажды я попыталась объяснить Элейн причину, по которой отдаю предпочтение штанам, а не платьям, но она так и не поняла, зачем мне может понадобиться резко выхватить кинжал, пристегнутый к лодыжке. Моим главным аргументом был тот факт, что я не смогу достать оружие в туго зашнурованном корсаже.

Одна из швей коснулась моей золотой косы, все еще влажной после ванны, и это прикосновение вернуло меня в реальность.

– Принцесса, вы же распустите волосы к балу? Расплетите косу – тогда мы сможем посмотреть, как ваши волосы сочетаются с платьем. Если что, мы поможем уложить их так, чтобы они не закрывали драгоценные камни на воротнике.

Я дернулась и сжала ладони в кулаки, чтобы инстинктивно не вытереть их о ткань платья.

– Коса напоминает мне о матери. Думаю, мне не мешает иметь при себе частичку ее присутствия на моем дне рождения, вы не согласны?

Маленькая капля пота потекла между моих лопаток и вниз по спине. Уже много лет никто не спрашивал меня, почему я не позволяю Элейн заплетать мои волосы. Когда я была маленькой, все прически мне делала мама, но после ее смерти я настояла на том, что буду заниматься этим самостоятельно. Прислуга бросала на меня странные взгляды, а аристократы смеялись за моей спиной, обсуждая простоту моего стиля: я умела делать всего несколько причесок, которые могли бы скрыть белую прядь, и ни одна из них не подходила для объявления о помолвке. Все просто приняли это как еще одну причуду странной принцессы, которая не умела соответствовать своему титулу.

Будут ли придворные Турии такими же снисходительными? Ребра начинали болеть от тугой шнуровки. Меня выдадут за наследника престола, и в конце концов я стану королевой. Тогда мне ни за что не убедить их в том, что я могу сама заплетать себе волосы.

Самая низкая швея надула губы, уставившись на воротник платья, как будто даже не слышала моих слов, и начала расшнуровывать тонкую серебряную цепь на передней стороне корсажа.

– Мисс Элейн, можете ли вы помочь нам с ее волосами?

У меня пересохло во рту.

– Почему вы расшнуровываете?

Они как будто меня не слышали.

– Стекланные бусины были привезены с Континента, а их цвет подбирался специально под ваши глаза, – начала Элейн, встав позади меня. Люди часто говорили, что глаза достались мне от матери: холодно-голубые, с темно-синим кольцом вокруг радужки. – Все это будет напрасно, если ваши волосы их закроют.

– Нам нужно посмотреть, как ваши волосы будут лежать на спине, – швея кивнула Элейн, которая потянулась к ленте на моей косе.

– Я знаю прекрасную прическу, которая идеально подойдет к этому платью, – продолжила Элейн мягким голосом. – Может, вы позволите мне уложить ваши волосы хотя бы сегодня, в ваш день рождения? Мы просто хотим убедиться, что перед вашей красотой никто не устоит, – последние слова она произнесла с тем же блеском в глазах.

Я хотела бы потанцевать с Крисом, но это не стоило того, чтобы выдать мой секрет. Даже если завтра я уезжала навсегда.

Мое дыхание заметно участилось, пока я пыталась придумать правдоподобное оправдание. Между желудком и ребрами поселилось какое-то странное чувство. Оно напоминало покалывание, которое начиналось каждый раз, когда я слишком долго сидела на жестких стульях библиотеки. Или звезды, которые видно, когда приземляешься на спину и воздух покидает твои легкие от удара о твердую поверхность. Новое ощущение нельзя было назвать болезненным, но оно пришло так внезапно, что я сделала резкий глубокий вдох и, пошатнувшись, упала с

табуретки. Время как будто замедлилось, пока я падала назад, и необычное чувство начало разрастаться.

– Успокойтесь, принцесса. Так просто из этого платья не выбраться, – высокая швея поймала меня прежде, чем я испортила всю их кропотливую работу. При звуке ее голоса странное ощущение испарилось, как дым на ветру. Оно казалось таким реальным и все же упорхнуло, как призрачный сон.

К моему лицу прилила кровь. Элейн схватила меня за руку, чтобы я снова не упала.

– Пока что мы оставим ее волосы в покое. Принцессе надо отдохнуть.

Я ощутила облегчение, но одна из женщин недовольно надула губы.

– Если вы закончили с платьем, то можете идти, – Элейн взмахнула рукой, пресекая все возражения.

Но низкорослая швея не собиралась сдаваться так легко.

– Король Шраус дал нам четкие указания насчет...

Я отодвинула табурет и посмотрела на женщин сверху вниз. Они отступили назад, а в их глазах промелькнул страх. Я сделала глубокий вдох, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее.

– Впредь вы будете разговаривать с моей служанкой уважительно, как она того заслуживает. Заканчивайте работу прямо сейчас, или я пойду на бал так, как есть.

– Конечно, принцесса, – забормотали швеи, не решаясь напрямую послушаться моего приказа. Они снова зашнуровали корсаж серебряными цепочками, еще раз проверили подол платья, собрали свои вещи и торопливо выскочили из комнаты.

Я чувствовала, как в голове разгорается новый приступ боли, а мои ноги дрожали под весом тяжелых юбок.

– Можешь отпустить всех остальных? – спросила я слабым голосом. – Они могут вернуться к сборам после того, как начнется бал.

Элейн выгнала всех в коридор, и в моих покоях наконец стало тихо. Я медленно опустилась в кресло возле горящего камина, стараясь не горбиться – не то чтобы я действительно могла это сделать в таком жестком корсете. Все мои мысли кружились вокруг странного ощущения, которое исчезло так же внезапно, как и появилось.

– Дженесара, с тобой все в порядке? – Элейн бросила взволнованный взгляд на мою косу.

Я перекинула волосы на плечо и ответила самым спокойным голосом, на который была способна:

– Все хорошо. Просто переволновалась.

– Я, – она сглотнула и опустила глаза в пол, что мне совсем не понравилось. – Прости, что давила на тебя. Я думала, что лорд Крис...

Я покачала головой и вдруг выпалила:

– Я еду в Турию, потому что отец подписал договор о помолвке с их наследным принцем.

В тишине тихо потрескивал огонь камина. Когда я наконец встретила с ней глазами, в ее взгляде читалась жалость.

– Так будет лучше, – добавила я шепотом, чувствуя, как сжимается мое сердце.

– Лучше для кого? – она скрестила руки на груди, но ее голос звучал так нежно, что мне захотелось плакать.

Мои губы дрогнули, но я подавила новую волну боли, вызванную мыслями о предательстве отца.

– Для всех, – всхлипнув, я быстро встала с кресла, отчего у меня закружилась голова. – Я сама соберу свои волосы так, чтобы они не закрыли драгоценные камни, – тон моего голоса не предполагал никаких возражений.

Элейн подошла к двери, но замерла, прежде чем закрыть ее за собой.

– Принцесса, я не хотела...

Я потеряла в руках кончик своей косы, и уголок моих губ тронула грустная улыбка.

– Я знаю.

* * *

Сидя между двумя открытыми сундуками, переполненными одеждой, я наблюдала за тем, как из бледно-розового цвет неба переходит в фиолетовый, а затем и в глубокий черный. Совсем скоро объявят начало бала, за которым последует громкое объявление о помолвке. Утром я покину замок, и моя жизнь уже никогда не будет прежней.

В своем синем платье с серебряной вышивкой я впервые выглядела настоящей принцессой. Сверкающие стеклянные бусины украшали швы корсажа, а надетая под него снежно-белая рубашка из лучшего льна струилась своими разлетающимися рукавами с длинными манжетами на запястьях. На моей груди сияли традиционные темно-синие ордена с выгравированным щитом и мечом, а между ними висели нити с сапфирами.

Мои волосы были заплетены в сложную косу, уложенную на голове как корона. К тому моменту, как я надела на лоб простой серебряный венец, я уже не выглядела самой собой. Я не чувствовала себя собой.

Внутренние струны звали меня, но я мысленно закрылась от эмоций отца и брата, сосредоточившись на иной, третьей волне. Я скучала по матери, и, хотя от ее нити почти ничего не осталось, я относилась к ней с трепетом.

Я все еще помнила, как она оборвалась, когда мне было всего три. После недельного путешествия мы играли в ледяном океане Осты – единственного порта Халенди – ранним утром, прежде чем вернуться в Халенбург. Белые скалы сверкали так же ярко, как солнечные лучи, бегущие по волнам, а морские птицы выныривали из воды, и их посеребренные перья подрагивали на ветру.

На полпути к дому мы поставили шатры на ночь. С ночного неба светила высокая луна, когда я проснулась с ужасным чувством, растущим внутри меня. Всю ночь посыльные искали лекаря, способного помочь моей матери, чье здоровье внезапно ухудшилось. Ее служанки не пускали меня к ней в шатер, опасаясь, что я заражусь загадочной болезнью, поэтому я проскользнула внутрь с задней стороны. Мне нужно было убедиться, что с мамой все в порядке, и, может, тогда странное чувство покинуло бы меня.

Я заглянула за полупрозрачный полог и увидела, что мама лежит на горе из подушек: ее лицо посерело, под глазами залегли темно-фиолетовые круги, а золотые волосы веером лежат вокруг головы. Я подползла ближе и свернулась у нее под боком. Она слабо погладила меня по волосам и взяла с меня обещание никому не рассказывать о белой пряди.

Всю ночь я беспомощно наблюдала за тем, как болезнь пожирает ее. За несколько минут до рассвета наша связь оборвалась, и она навсегда покинула меня. От боли, страха и одиночества я зарыдала во весь голос. Поспешившие на плач слуги подумали, что я обезумела от горя из-за смерти матери, но мои слезы были вызваны порвавшейся нитью: болью, которую я не могла понять.

Эта порванная нить оставалась со мной всю жизнь, как разодранное в клочки знамя на пустом поле боя, напоминая о пустоте, которая когда-то была заполнена материнской любовью.

Стук в дверь вырвал меня из раздумий.

– Войдите, – крикнула я, зная, кто стоит в коридоре. Мой отец подошел к креслу и встал у камина, сложив руки за спиной. Я не отрывала взгляда от звезд, вспыхивающих на ночном небе.

Молчание затянулось, но я не отталкивала его нить, как обычно. В тишине ураган его эмоций улегся, и на его месте осталась лишь глубокая печаль. Под

тяжким весом его королевства, под железной оболочкой и острыми углами скрывался мужчина, который отчаянно скучал по жене. Я молчала, потому что просто не могла говорить. В тот момент я понимала его куда больше, чем за все прошедшие годы.

– У меня есть для тебя подарок, – отец протянул продолговатый сверток в коричневой мешковине.

Я уставилась на него, желая, чтобы все было иначе, чтобы я могла остаться дома.

– Подарок?

– Атаки заходят все дальше и дальше за нашу границу, и я хотел убедиться, что ты будешь в безопасности по дороге в Турию...

– Потому что послать со мной Рена и генерала Леланда – недостаточно? – спросила я, вставая напротив.

Он медленно пожал плечами.

– Я приказал достать это из сокровищницы.

Он положил сверток на софу и откинул поблекшую мешковину с одной стороны, а затем с другой. Внутри лежал слегка проржавевший меч в потрепанных ножнах. Мой взгляд упал на эфес: в перекрестии гарды мягко сиял голубой камень.

Отец осторожно достал меч из груды ткани. Синевато-стальной клинок не выглядел особенно длинным, но имел такие странные очертания, что на первый взгляд казалось, будто он сделан из камня. Рукоять была обмотана древними полосками кожи. К одной из них было привязано кольцо с такой же сложной гравировкой, как на мече, и меньшей версией голубого камня с эфеса.

– Как красиво, – выдохнула я. – А это кольцо! Я никогда не видела ничего подобного.

Я осторожно протянула руку, беззвучно спрашивая у отца разрешения. Он кивнул, и в его глазах сверкнула улыбка.

Я взялась за рукоять. Она оказалась легче, чем я предполагала, но оружие было сбалансировано просто идеально. Поднеся лезвие к глазам, я стала рассматривать гравировку. Казалось, что голубой камень на гарде засиял ярче, но я почти не обратила на это внимания, отвлеченная внезапным жаром в ладони, обхватившей эфес. Я отступила на несколько шагов и взмахнула мечом, стараясь не помять и не испортить платье. Ни один клинок, что у меня когда-либо был, не ощущался так легко и естественно, как этот, словно меч стал продолжением моей руки.

– И кольцо, Дженесара, – отец надел кольцо на средний палец моей левой руки.

По моей ладони словно пробежала молния, угодившая прямо в сердце. Я нахмурилась: кольцо идеально подходило мне по размеру. Отец только усмехнулся.

– Что это за подарки, отец?

Он кивнул в сторону меча и сцепил руки за спиной.

– Это древние артефакты, переходящие от короля к королю. Говорят, что именно этот меч и кольцо принадлежали Каису – первому правителю Халенди.

Мои глаза широко распахнулись от изумления, и я еще крепче сжала рукоять. Каис обладал такой сильной магией, что сумел оградить границу Халенди от Ледяных Пустынь с помощью чар. Неужели эти вещи и впрямь принадлежали ему? Что еще спрятано в сокровищнице?

Отец указал на гравировку, обвивающую клинок.

– Эти руны рассказывают о силе, которую несет в себе меч. Здесь, на кончике, отмечена быстрота и точный удар, – его палец следовал за сложным узором, двигаясь вверх, к эфесу. – А эти говорят о разрушении и защите, к которым может обратиться его владелец, если он происходит из рода королей.

Он взял меня за руку и показал на кольцо.

– Это кольцо может впитывать и хранить магию, которой питается меч. Если тебе доведется сражаться с магом, кольцо примет на себя все чары и не только защитит тебя, но и сохранит эту энергию на будущее.

– Но вся магия сейчас сосредоточена в Северном Дозоре, а не в Турии. Почему не отдать все это Рену?

Нахмурившись, отец вздохнул и... бросил взгляд на мои волосы?

– Медальона Провидения будет достаточно. К тому же, я подарил меч и кольцо твоей матери на свадьбу. Она бы хотела, чтобы эти вещи достались тебе.

Мои мысли спотыкались друг о друга, и, все еще не осознав внезапное откровение отца, я поднесла меч ближе к себе.

– С их помощью мама могла управлять магией? – спросила я, ощущая внезапный приступ смелости.

Отец уронил мою руку, и я почувствовала, как внутри него занимается новое чувство: печаль. Казалось, что мысленно он перенесся куда-то далеко отсюда.

– Она всегда держала эти вещи при себе, но не могла собирать в них магию. Но ты, – он сглотнул, и я начала стучать пальцами по ноге из-за передавшейся от него нервозности. – Ты можешь.

Мое сердце забилося так громко, что я еле расслышала его слова.

– Я могу... что?

Отец вздохнул и бросил взгляд на дверь.

– Я знаю, Дженесара, – с этими словами он коснулся белой пряди на своем виске. От удивления я раскрыла рот и чуть не поперхнулась.

– Все это время... ты знал? – прошептала я.

Он не улыбнулся, но его черты смягчились.

– Я – твой отец. Конечно, я знал.

– Но, – начала я, но замешкалась, все еще не веря в происходящее. – Ты оставил меня здесь. Я думала, что если правда раскроется, то тебе придется меня отослать.

– Я бы никогда... – отец опустил в кресло, словно его ноги не выдержали веса произнесенных слов. Потому что он все-таки отсылал меня. В Турцию. – Ради твоей безопасности я запрещал тебе изучать магию. Не упускал тебя из виду, чтобы по королевству не расползлись слухи. Может, это был не лучший способ защитить тебя, но я сделал все, что мог, – он запустил пальцы в седеющие волосы и улыбнулся. – Я горжусь тобой. Ты – дочь Халенди, и, без сомнения, достойно представишь свою родину при дворе Турции.

Сглотнув, я почувствовала, как уголки глаз начинают щипать от слез. В памяти пронеслась вереница воспоминаний: не о властном и строгом мужчине, который пытался во всем меня контролировать, а об отце, отчаянно желавшем меня защитить.

Я вложила меч в ножны и обняла его.

– Спасибо, – прошептала я. – Спасибо за подарок.

Он крепко сжал меня в объятьях, и я вдохнула его запах, напомнивший мне о детстве, безопасности и силе.

– Расскажи мне обо всем, – попросила я.

Отец усмехнулся и жестом указал на софу, предлагая, чтобы мы оба пересели туда.

– Не думаю, что у нас есть на это время, – сказал он, и я не сразу вспомнила о бале. О помолвке. Но он продолжил говорить, и все прочие мысли тут же

улетучились. – Самое главное, что во всем скрыта внутренняя сила, будь то человек, животное или природный элемент. Эта энергия – или источник жизни – всегда существовала в нашем мире. Она была здесь с самого начала и останется до конца. Ее невозможно создать или уничтожить, но ею можно управлять.

Я наклонилась вперед, жадно упиваясь крупными знаниями, прежде мне недоступных.

– Эта «энергия» и есть магия?

– Те, кто обладает магией – как мы ее называем, всего лишь манипулируют существующими энергетическими потоками. Все ощущают магию по-разному, и каждый самостоятельно учится ее впитывать. Обычно один конкретный вид жизненной силы сочетается с твоей магией в большей степени, чем другие.

Значит, даже если отец знал о моей магии, он не мог объяснить мне, как испытать ее и извлечь из этого весь доступный потенциал. Я должна была сделать это самостоятельно. Задумавшись, я начала перебирать пальцами кончики волос. Я не могла двигать горы и лечить других. Может, нити и были моей магией?

Или проклятием?

– Я... – я сглотнула, сомневаясь, что смогу произнести слова, которые так долго держала внутри. – Моя магия отличается от прочей. – Отец наклонился вперед, положив руки на колени. – Я могу чувствовать эмоции, но не всех людей, а только твои и Рена. И мамы, когда она была жива.

Моргнув, он открыл было рот, но тут же захлопнул его.

– Значит, все это время ты могла...

Я кивнула, и он обреченно выдохнул.

– Что ж.

Его губы медленно расплылись в улыбке.

– Прости?

Покачивая головой, он тихонько рассмеялся, а затем сложил руки на груди. Отец всегда принимал такую позу, когда что-то обдумывал.

– Это может быть остатками уз Каиса. Он создал магическую связь со всеми членами королевской семьи, на случай, если кто-то из них окажется в опасности или будет нуждаться в защите.

Я кивнула, вспомнив все случаи, когда Рен попадал в неприятности или отец волновался особенно сильно.

– Больше ничего? – спросил отец. – У тебя не проявлялись другие формы магии? Управление землей, исцеление или...

– Нет, только нити. Связь. Но, может быть, с его помощью, – я подняла меч, – у меня получится что-то еще.

Он медленно покачал головой.

– Не думаю. Если магия – это способность собирать энергию и управлять ею, то эти предметы лишь направляют и хранят эту энергию. Они не могут увеличить или уменьшить силы, которые уже существуют внутри тебя.

Мои пальцы пробежали по старинному клинку, кожаным полоскам и голубому камню. Я не была разочарована этой новостью. Вовсе нет. Если мне придется отправиться в Турию и оставить прежнюю жизнь позади, по крайней мере я возьму с собой частичку мамы.

Прочистив горло, отец поднялся на ноги, и подол его королевской мантии упал на пол.

– Надеюсь, что тебе не придется сражаться с магом, но мне надо знать, что по дороге в Турию ты будешь в безопасности. Мастер Хафа присоединится к твоей свите, чтобы защитить тебя и научить пользоваться новым оружием.

Мои брови взлетели вверх.

– Рен, генерал Леланд, меч Каиса и Мастер Хафа?

Выражение его лица не изменилось, но глаза вспыхнули.

– Ты будешь в безопасности на протяжении всего путешествия.

Он протянул мне руку, и, опершись на нее, я поднялась на ноги.

– Я могу надеть его сегодня вечером? – спросила я, потянув за одну из кожаных полосок на рукояти.

– Нет, – быстро ответил он.

– Стоило попытаться, – я спрятала подарок под подушку, где я хранила и свой старый меч.

Отец отставил локоть, и я взяла его под руку.

– Сегодня ты выглядишь особенно красиво, Дженесара, – сказал он, прежде чем открыть дверь.

Бальный зал был самой нарядной комнатой сурового замка: с каждой стороны горел большой камин, на стенах сияли витые серебряные подсвечники, а по мраморному полу бежали темно-синие и серебряные прожилки.

Сверкающие огни, переливающаяся музыка, пышные юбки с угольно-серыми узорами и двубортные камзолы отсчитывали мои последние часы в Халенди. Моя последняя ночь дома.

Обычно я избегала многолюдные собрания, где придворные могли осмотреть меня с ног до головы и осудить свою непутевую принцессу, но в эту ночь я собиралась показать всем, кто я такая. Что я верна своему брату и королевству. Швеи проделали грандиозную работу, и это читалось в одобрительных взглядах даже самых эксцентричных аристократов.

Как обычно, Рен выглядел величаво в своем темно-синем мундире с воротником-стойкой и двумя рядами серебряных пуговиц спереди. На его груди висели традиционные медали Халенди, разделенные тремя серебряными цепочками. Всю ночь нас окружали придворные – в основном женщины, и особенно леди Исар, – но время от времени он ловил мой взгляд, и я чувствовала, как его нить разгорается восхищением и гордостью за меня.

Время, казалось, тянулось очень медленно, но на самом деле пролетало незаметно. Мне очень хотелось поймать на себе взгляд Криса. Даже если это будет всего один танец, впоследствии я смогу снова и снова возвращаться к воспоминанию о последней ночи, которую я провела дома. Но он всегда оказывался в дальнем конце зала, и мне приходилось танцевать с придворными.

Когда подошло время объявления о помолвке, мои ноги и шея болели от напряжения. Рен встретил меня на пути к помосту и положил руку мне на спину.

«Выше нос» – я снова и снова прокручивала в голове слова моего брата, пока отец поднимался со своего места, а Рен вставал по правую руку от него. Все глаза обратились к нам, и разговоры тут же затихли.

– Сегодня мы празднуем семнадцатилетие моей любимой дочери Дженесары.

Отец посмотрел вниз, и его острые черты смягчились в мерцающем свете. Все присутствующие вежливо похлопали. Зал облетели тихие перешептывания. Расправив плечи и глубоко вздохнув, я попыталась спрятать свое волнение за фасадом спокойствия. Я не могла – и не собиралась – проявлять слабость.

Я изучала лица придворных, желая отыскать в толпе тех, кому отец не должен был доверять. Мой разум занимала одна мысль: вот бы моя магия могла изобличить предателя, скрывавшегося среди нас!

– Также мне очень приятно объявить о новой возможности, открывшейся для Халенди. Я уверен, что она поможет укрепить нашу позицию в эти нелегкие времена. – Перешептывания в зале тут же прекратились. – С гордостью и огромным удовольствием, я объявляю о помолвке моей дочери – принцессы Дженесары Халендийской – и принца Энцо Турийского.

На мгновение в воздухе повисла тишина, по залу прокатилась волна ожидания, а затем толпа взорвалась громкими восклицаниями и приглушенными поздравлениями. Я бросила взгляд на Криса, который стоял рядом с красивой аристократкой. Его губы были плотно сжаты, а брови слегка нахмурены.

Разорвав наш зрительный контакт, я отвела глаза, и мое лицо приняло не то счастливое, не то самодовольное выражение. Уже слишком поздно: у нас никогда не будет первого танца. Мое сердце забилось быстрее, когда я поняла, что конец уже близок. Конец праздника. Конец моего детства.

Отец подошел ближе и обнял меня одной рукой. Это было моим долгом. Я выполню все в точности, и войска Халенди получают необходимую помощь. Но каждый взгляд и каждое обсуждение давили на меня, поэтому я перестала смотреть на придворных, уставившись на дальнюю стену зала.

Нить моего отца подрагивала от тревоги, но за этим волнением я чувствовала что-то еще, более мягкое и теплое. Он прочистил горло и поднял свободную руку.

– Так поднимем же бокалы! Не только за день рождения нашей принцессы, но также за ее помолвку и за укрепление Халенди!

Под оглушительные аплодисменты и одобрительные выкрики я подняла подбородок и улыбнулась так, словно только что завоевала весь мир, но внутри я распадалась на части. Отец знал о моей магии. В замке таился предатель. Рен отправится на передовую, где ему придется столкнуться с неизвестными нам чарами. Завтра я уеду и снова окажусь в полном одиночестве. В чужом королевстве, которое никогда не станет мне домом.

Глава четвертая

Карета накренилась в одну, а затем и в другую сторону в странном подобии танца, движущегося под отрывистую мелодию стука копыт. Через двенадцать дней я прибуду в новый дом, где незнакомые люди буду разбирать мои чемоданы. Весь дворец будет шептаться о новой принцессе.

Но у меня в запасе было еще двенадцать дней.

Этого времени не хватило бы на то, чтобы восполнить все пробелы, но я провела всю жизнь, изучая земли, лежащие за пределами Халенборга, и теперь у меня появился шанс увидеть их своими глазами.

– Принцесса, – в третий раз предостерегла меня Элейн, пока карета со стуком катилась по главной дороге, ведущей из Халенборга. – Они увидят, что ты их разглядываешь.

Я отстранилась от застекленного окошка, но так и не отвела глаз от улицы.

– Что, если я вижу свой город в последний раз?

Она положила руку мне на колено.

– Я уверена, что ты еще вернешься.

Последнее воспоминание о моей комнате, отпечатавшееся в памяти, никак не выходило у меня из головы. Обломки и обрывки моей жизни, признанные недостаточно значительными, чтобы ехать со мной в Турию, валялись тут и там в небольших кучах. Дрожащее пламя за черной решеткой камина медленно умирало, проиграв сражение с необычайно холодным утром. Я прикусила губу и снова уставилась в окно.

– Ничего не будет прежним.

Элейн откинулась на спинку, утопая в мягких подушках.

– Ничто не остается прежним. Каждый новый день отличается от предыдущего.

Но я заметила, что она тоже поглядывает на улицу. Этим утром она попрощалась с братом и передала ему письмо для их родителей. Она крепко сжала его в объятьях, велев во всем слушаться старшего конюшенного. Когда они отстранились друг от друга, ее руки дрожали.

Она должна будет пробыть в Турии лишь до тех пор, пока я не освоюсь, а затем – вернется домой. Я отпущу ее.

– Наверное, ты права, – сказала я, слегка улыбнувшись. – И все же я хотела бы остаться и увидеть все изменения своими глазами.

Элейн вздохнула и вернулась к своей вышивке, а я продолжила смотреть, как оживают улицы сонного города. Я нечасто бывала в Халенборге: только во время большой ярмарки и особенно важных праздников.

Вдруг мое внимание привлек магазин. За окном мелькнула его выкрашенная дверь: яркое пятно в окружении серых зданий, которые сливались с серым небом. Первые весенние цветы в наружных горшках отчаянно боролись с холодом. В маленьком окне я разглядела мужчину и женщину. На их светловолосые головы были натянуты теплые шапки, а сами они кутались в шерстяные пальто, не оставляя свои утренние хлопоты. Это был всего лишь краткий отрывок их жизни, пролетевший мимо меня за пару мгновений.

Мы проехали мимо яркой желтой двери, и я сползла на краешек сидения, выгибая шею, пока магазин совсем не исчез из вида. Услышав мой тихий вздох, Элейн подняла брови и оторвалась от вышивания.

Часть стекла запотела от моего дыхания.

– С тех пор, как умерла моя мама, я еще ни разу не уезжала так далеко от замка.

В попытке сдержать улыбку Элейн сжала губы. Наконец она отложила вышивку и, покачав головой, наклонилась ближе, чтобы мы могли смотреть в окно вместе.

– А теперь еще дальше, – сказала она и подтолкнула меня плечом.

Я усмехнулась.

– Сегодня ты просто источаешь мудрость.

Она склонила голову набок.

– Я всегда полна мудрости. Просто ты слишком занята сражениями на мечах и библиотечными книгами, чтобы это заметить.

Я открыла рот, но мне было нечем парировать ее выпад. В ее словах была истина.

Вид за окном настолько заворожил нас обеих, что мы взвизгнули, когда мимо нас проехала темная фигура наездника. Это был Крис. Мои щеки вспыхнули, но он не стал заглядывать в карету.

Еще бы. Этим утром я случайно встретилась с ним глазами и выдавила скованную улыбку, но он лишь отвернулся, словно не заметил меня.

Наша процессия заняла весь двор замка. Лошади шумно выдыхали из ноздрей белый пар и жевали свежую траву, пока женщины и мужчины что-то кричали друг другу, а посыльные раз за разом возвращались в замок за очередной забытой вещью. Мой отец стоял на ступенях дворца, наблюдая за этим хаосом издали. Затем он сдержанно меня обнял и усадил в карету, до последнего придерживаясь формальностей.

– Смотри! – со смехом воскликнула Элейн, указывая наружу.

За каретой бежала собака с кудрявой черной шерстью и высунутым языком и отчаянно лаяла нам вслед. Я прижалась лицом к стеклу, чтобы видеть пса как можно дольше, мысленно проклиная этот барьер между мной и окружающим миром.

У меня было всего двенадцать дней, и я не собиралась проводить их в еще одной клетке.

Когда мы остановились на обед, город уже остался далеко позади. Поблизости не было никаких поселений, поэтому мы остановились у обочины дороги. Я открыла дверь и выпрыгнула из кареты еще до того, как она полностью остановилась. Сильный ветер трепал мою косу, и я вдохнула полной грудью, чувствуя абсолютное спокойствие.

Я медленно повернулась по кругу, удивляясь обширным просторам, тянущимся в каждую сторону. На равнине росло всего несколько низких голых деревьев. Зубчатые камни и крошечные бело-фиолетовые дикие цветы выглядывали из жухлой травы, все еще примятой весом долгой зимы. Невысокие холмы, покрытые снегом, копировали облака: пушистые белые волны вверху и внизу. Остатки льда скрывались от весны в глубоких тенях. Наша процессия, растянувшаяся по улицам Халенборга и наполнившая двор королевского замка таким шумом, что собаки завывали от отчаяния, превратилась в незначительную крупницу ландшафта.

Генерал Леланд, Мастер Хафа, Рен и Крис стояли во главе процессии. Все, кроме Леланда, разминали затекшие спины и громко смеялись. Если я хотела освободиться от всех барьеров – мне требовалось разрешение.

– Можно мне поехать верхом на лошади? – спросила я, прерывая их разговор. Все, кроме Криса, уставились на меня: лучший друг моего брата внезапно нашел что-то очень интересное на земле, рядом с носком своего сапога, и его безразличие только добавило неловкости всей ситуации.

От смущения у меня защекало где-то в животе. Я звучала как пятилетняя девочка, спрашивающая, можно ли мне поиграть в снегу, но половины дня в карете было достаточно. Мне наконец-то довелось оказаться за пределами замка, и я хотела испытать все: ветер, задувающий в уши, свежий запах елей, пятнистые тени и яркий солнечный свет. Все, что только возможно.

Генерал Леланд снял свои перчатки для верховой езды и потер подбородок.

– Будет гораздо проще, если вы останетесь в карете.

Проще для меня? Или для них? Я сложила руки на груди, стараясь не ежиться от внезапного порыва ветра, приподнявшего юбку моего платья.

– Я никому не помешаю. Я не буду жаловаться.

Струна, соединявшая меня с Реном, начала пружинить: мне показалось, что он беззвучно рассмеялся.

– Вам будет лучше остаться в карете, – сказал Мастер Хафа.

– В таком наряде вы будете сильно выделяться, – добавил Леланд, чтобы последнее слово осталось за ним. Он кивнул, указывая на платье и плащ, которые выбрала для меня Элейн.

– Я надену форму стражника, – предложила я. – Наверняка у кого-нибудь найдется запасная.

Все остальные участники процессии были одеты в прекрасно сшитые нижние рубахи, спрятанные под толстые вязаные гимнастерки и тяжелые подпоясанные мундиры, с плотными штанами и плащами, способными защитить от любой непогоды. Я с трудом подавила усмешку: их одежда куда больше подходила для путешествий, чем моя.

– Вы понимаете, что она нас дурачит? – вмешался Рен. – Ей нет дела до верховой езды, она просто хочет надеть штаны.

Я пихнула брата локтем, и они с Крисом рассмеялись. В смехе Криса появился надрыв, которого я раньше не замечала. От обиды я сжала зубы. Все это – не моя вина. Я просто устала от подобного обращения.

– Мой брат поедет рядом со мной, – предложила я. Рен начал возражать, но я пригвоздила его взглядом. – Он передо мной в долгу.

Последние слова я произнесла медленно, чеканя каждую букву. Он не сказал мне о помолвке.

Рен шлепнул себя перчатками по ноге и нехотя кивнул.

– Я поеду с ней.

Леланд не мог послушаться наследного принца, но его брови нахмурились, и он посмотрел на меня с беспокойством.

– Вы должны ехать рядом с каретой. Я не допущу, чтобы вы потерялись.

Я хлопнула в ладоши, и моя голова чуть не закружилась от радости. Мастер Хафа сложил руки на груди, но возражать не стал, и я тихо выдохнула от облегчения. Никто и никогда не спорил с Хафой: даже мой отец. Никакие мольбы не убедили бы его поменять уже принятое решение.

Мы с генералом пожали руки в знак согласия. Перед тем, как отпустить мою ладонь, он сжал пальцы еще крепче.

– Ваш отец не хотел бы, чтобы с вами что-то случилось.

В ответ я тоже усилила свою хватку.

– Со мной все будет в порядке, генерал, но спасибо за беспокойство.

* * *

Джентри – моя лошадь масти паломино[1 - Паломино – соловая масть лошадей с золотистым окрасом туловища, а также почти белой гривой и хвостом.] – мерно стучала копытами по дороге. Я похлопала ее по бронзовой шее и глубоко вздохнула, стараясь не выдавать своего восторга. Мы с Реном ехали за каретой, и настойчивый ветер обдувал мое лицо.

– Я перед тобой в долгу? – спросил Рен, подъезжая ближе. Остальные старались не мешать нам, следуя на небольшом расстоянии впереди и сзади.

Я подняла брови и пожала плечами.

– У тебя передо мной много долгов. Просто сейчас пришло время о них напомнить.

Он усмехнулся и цокнул языком, подгоняя своего скакуна, чтобы сравняться с каретой. Джентри последовала за ним, позволяя мне закрыть глаза и поднять лицо к небу. Я всегда спрашивала себя: буду ли чувствовать себя иначе вдали от дома? Могу ли я быть по-настоящему свободна от стен, что постоянно меня окружают?

Ответ оказался сложнее, чем я думала. Я все еще была собой, но мое сознание как будто расширилось, чтобы вместить в себя как можно больше деталей окружающего мира.

– К концу дня ты перестанешь улыбаться, – голос Рена прервал мои мысли, и брат поерзал в седле.

Я только усмехнулась.

– Мне все равно, буду я улыбаться или нет. Лишь бы не возвращаться назад в карету. – Над нами кружили огромные черные птицы, но в остальном, единственным подвижным объектом на равнине была качающаяся от ветра трава. Я бросила взгляд назад. – Мы... можем поговорить?

Рен усмехнулся.

– День действительно покажется долгим, если мы не будем разговаривать хотя бы иногда.

Я закатила глаза и так понизила голос, что его было почти не слышно за хлюпаньем влажной земли под копытами лошадей:

– Отец знает о моей магии.

Рен резко повернулся ко мне, и его конь чуть не поднялся на дыбы. Моргнув, он потянул за поводья, чтобы успокоить своего скакуна.

– Ты уверена?

Я кивнула.

– Оказывается, он знал все это время. Он дал мне мамин меч.

Мой брат растерянно открывал и закрывал рот в поисках ответа.

– Я... ледники.

– Именно. Но я не знаю, что мне нужно делать с этими подарками. Он сказал, что кольцо может поглощать магию, а меч – управлять ею. Но ведь...

– ...Ты не можешь управлять своими нитями, – он закончил за меня и задумчиво потер подбородок рукой.

– Ты обладаешь магией исцеления. Каково это?

Отец сказал, что все чувствуют магию по-разному. Дар моего брата был большой частью его жизни, но мы никогда не обсуждали эту тему. Однажды он вылечил мою сломанную руку после того, как я на спор прыгнула с дерева. Тогда я чувствовала, как от его ладони исходит жгучий жар, но на этом мои познания о его магии заканчивались. Все остальное я узнавала обрывками, подслушивая сплетни придворных.

– Это... – он коснулся места между своим сердцем и желудком. – Это словно прилив.

– Прилив? – переспросила я.

Рен снова взялся за поводья обеими руками.

– Тебе знакомо это чувство, когда скачешь на лошади так быстро, насколько это вообще возможно? Или наносишь последний удар достойному противнику?

Я медленно кивнула. На свете не было ничего лучше ощущения победы в тренировочном бою.

– Обращаясь к магии, я испытываю точно такое же чувство, только более сосредоточенное.

– Когда ты впервые его ощутил? Как ты понял, какой у тебя магический дар? Почему...

– Воу... – начал он, но его лошадь дернула ушами и резко остановилась.

Ветер унес обрывки моего смеха. Рен отклонился назад и пробормотал себе под нос что-то об упрямых копытных тварях.

– Ни слова, – тихо сказал он, нагнав меня. Мой смех перешел в кашель, и я сжала губы. Рен молчал.

– Да ладно тебе, – сказала я. – Тебе же самому хочется мне рассказать.

Он спрятал улыбку и драматично поднял брови.

– В самый первый раз я использовал магию совершенно случайно.

Забыв обо всем на свете, я с интересом внимала его словам.

– Я поцарапал колено, когда лошадь отца сбросила меня...

Я фыркнула.

– Та лошадь, на которой тебе запретили ездить?

– Именно, – невозмутимо подтвердил Рен. – Я сидел на земле, совершенно ошеломленный, и вдруг внутри меня что-то зашевелилось. Тогда я подумал, что меня стошнит, но вместо этого странное ощущение волной прокатилось по моему телу и двинулось к коленям. И вдруг царапина на моей коже затянулась быстрее, чем Хафа мог бы победить леди Исар в бою на мечах.

Я поерзала в седле. Мои бедра уже начинали болеть.

– Кто научил тебя лечить других?

Брат пожал плечами, явно разочарованный тем, что его история не заставила меня визжать от восторга.

– Отец помогал мне тренироваться, но как только я осознал свою магию, управлять ею стало очень легко.

Конечно, ему все давалось с легкостью. Я отмахнулась от этой мысли прежде, чем она отразилась на моем лице.

– И все же тебе нужно было тренироваться?

Он прихлопнул пчелу, жужжащую у его лица.

– Отец говорит, что это похоже на мышцу, а любую мышцу надо тренировать, если хочешь стать сильнее.

Какое-то время мы ехали в тишине. Я задумчиво теребила кончик своей косы.

– Поэтому отец не может сражаться на границе?

Рен кивнул, и его плечи опустились.

– Отец пытался учить меня другим видам магии: двигать землю и камни, как он, поднимать предметы или останавливать воду. Но ничего не дается мне так же легко, как исцеление.

Я поймала его взгляд, пока мой разум пытался осмыслить услышанное.

– Но ты мог делать все эти вещи?

– Не очень хорошо. Отец говорит, что некоторые предметы больше склонны к манипулированию, чем все остальные, а другие лучше откликаются на команды определенных людей. Большая часть знаний о магии утеряна, и нам приходится довольствоваться теми обрывками, что у нас есть. Хотя я слышал, что королевская библиотека Турии содержит больше знаний о магии, чем любое книжное хранилище во всем мире.

Мои брови хмуро сдвинулись к переносице, а желудок упал куда-то вниз, как отколовшаяся от карниза сосулька. Дворец, в который я прибуду через двенадцать дней, а тем более принц, живущий в этом дворце, определенно находились в конце списка вещей, о которых я хотела бы размышлять. Мне все еще придется скрывать свою белую прядь, но, возможно, я смогу изучать информацию не только о магической библиотеке, но и о своей собственной

магии – узах Каиса.

Ветер постепенно набирал силу, нещадно играя с моей косой. Мне на лицо упало несколько капель воды.

– Ну что, довольна, Джена? – сказал мой брат, набрасывая на голову капюшон. – Как думаешь, Хафа разрешит мне поехать в карете?

Я тоже надела капюшон и повысила голос, чтобы перекрыть усиливающийся дождь:

– Хафа точно разрешит, а вот Элейн – нет.

Рен подвел свою лошадь ближе, так что мы ехали, практически соприкасаясь коленями.

– Я бы все равно предпочел остаться снаружи, – тихо сказал он.

Я смахнула с лица капли дождя и надвинула капюшон еще ниже. Впереди было двенадцать дней. И всего один с Реном. Мне впервые захотелось, чтобы брат и отец могли почувствовать мои эмоции.

– Я тоже.

* * *

Когда твоя жизнь ограничена стенами замка, в изучении мастерства верховой езды нет никакого смысла. Рен был прав: к вечеру мне отчаянно хотелось слезть с лошади.

Дождь шел уже целый час, и к тому времени мы приехали в маленький городок с круглыми домами, крыши которых были покрыты соломой. Мы с Реном говорили обо всем и ни о чем, вспоминая прошлое и старательно избегая темы нашего туманного будущего.

По дороге мы проехали мимо нескольких деревень: они были спрятаны, укрыты между холмов, подальше от постоянного ветра. Иногда нам встречались скотные дворы и маленькие фермы. Чем ближе мы подъезжали к городу, тем чаще нам встречались одинокие, старомодные дерновые дома[2 - Дерновые дома – землянки или полуземлянки, которые издревле строились в Исландии ввиду сложного климата.] с яркими дверьми, выглядывающими из-под насыпей.

Поравнявшись с крошечным домиком, перед которым стоял красивый резной знак, Леланд наконец-то объявил привал, и в попытке спешиться я чуть не упала с лошади. Облокотившись на Джентри, я похлопала ее по боку и осторожно потянулась, чтобы размять затекшую спину.

– Я же говорил, – прошептал Рен, который вел своего коня в стойло. Я бы с удовольствием окатила его водой из грязной лужи, но путешествие отняло у меня все силы.

Вместо этого я позволила конюху, работавшему при таверне, взять Джентри под уздцы и увести ее к другим лошадям. Запах жареного мяса, лука, морковки и специй – видимо на ужин собирались подавать рагу – струился из открытой двери, заманивая меня внутрь.

Передо мной возникла темная фигура, и я резко остановилась.

– Сегодня вечером будем тренироваться, принцесса, – Мастер Хафа стоял, положив руку на эфес своего меча.

Все отговорки, возникшие у меня в голове, испарились вместе с надеждами на отдых и теплый камин. И все же, если это была цена за поездку верхом, я была готова ее заплатить. Хафа отвел меня за таверну, к огороженному манежу для лошадей. Вокруг была одна грязь, а небо становилось все темнее.

Я стукнула кулаком по своему противоположному плечу и уважительно поклонилась. Моя рука потянулась к мечу, но Хафа покачал головой.

– Это мы отложим на потом, когда отъедем подальше от Халенборга, – с этими словами он протянул мне два деревянных меча и указал на огражденный круг.

Крошечная щепка отломилась от рукояти одного из мечей и впилась мне в ладонь. Я засунула второй под мышку, чтобы выдернуть занозу. Подальше от Халенборга. Даже здесь, на таком расстоянии от замка, сожженная записка продолжала преследовать меня. Отсутствие доверия среди советников моего отца. Неужели это недоверие потянется за мной до самой Турии?

Я крепче обхватила рукояти мечей и обратилась к своим нитям. Рен был силен и непоколебим: этими качествами он всегда напоминал мне якорь. Расстояние притупило эмоции отца, оставив от былой ясности только тихий, неразборчивый шепот, но я знала, что он в безопасности. С ним все было в порядке.

Я скинула плащ с шинелью, отстегнула меч и осторожно размяла ноги. Мастер Хафа отправил ко мне двух стражников – Джеофа и Мелсу. Я уже сражалась с ними, и победила обоих, но по отдельности, а не вместе.

Мои противники приняли боевые стойки, перемещая вес тела на носок и оценивая меня, пока я оценивала их. Они выступили вперед, а я отступила назад, отзеркаливая их шаги. Мои ноги вязли в глубоком слое грязи. Вдруг я вспомнила слова Мастера Хафы: «главная цель настоящего боя – закончить его как можно скорее».

Боль в ногах и спине отвлекала меня от происходящего. Я медленно двигалась по кругу, держа мечи наготове и не подпуская противников ни на шаг. Мне нужно было обезоружить хотя бы одного из них или подвести их так близко, чтобы они споткнулись друг о друга.

Моя спина уперлась в твердое ограждение. Прежде чем я успела отодвинуться, мне за пояс засунули что-то тяжелое.

Уголки моих губ дернулись вверх. Оба противника бросились ко мне, но вместо того, чтобы вступить в бой, я отступила в сторону, а затем с рыком ударила Джеофа в плечо одним из своих мечей.

– Фух! – он уклонился и выбил оружие у меня из рук. Прежде чем меч ударился о землю, я схватила деревянный кинжал, спрятанный у меня за поясом, и сделала выпад, целясь в его руку. Джеоф уронил свой меч и с криком упал спиной в грязь.

Мелса бросилась на меня, замахнувшись своим оружием. Я парировала атаку и вывернулась, поставив противнице подножку, а затем прижала второй меч к ее горлу.

Я с гордостью посмотрела на Мастера Хафу, пока с моих коленей капала грязь, но он лишь нахмурился, и в его стальных глазах сверкнул недовольный огонек.

– У тебя не выйдет смухлевать в настоящем бою, Дженесара. И, Атарен, – он повернулся к моему брату, который наблюдал за нами с ухмылкой на лице. – Ты не всегда будешь рядом, чтобы подкинуть совет сестре кинжал. Так, вы оба, бегите до реки и обратно!

– Но скоро подадут ужин... – начал Рен.

– Два раза, – закончил Хафа.

Рен тут же захлопнул рот. Бросив деревянный меч Джеофу, я побежала. Холодный ветер задувал под мою шерстяную рубашку и обжигал мне легкие. Но среди всех наказаний – бег не был самым худшим. К тому времени, как мы с Реном закончили, солнце уже село, а мы оба были покрыты грязью и потом, но зато мои ноги и спина уже не болели так сильно. Во время выполнения задания мы почти не говорили, но предвкушение, исходящее от его нити, рассказало мне достаточно. Мы бежали вместе в последний раз.

Когда мы вернулись в таверну, большая часть нашей группы расположилась на подушках, ужиная и играя в игры. Шум и гам, заполнившие маленькое пространство, звенели у меня в ушах. Рен сел рядом с Крисом, в круг солдат, между камином и входной дверью. Я уселась прямо у камина рядом с Элейн и набросилась на мясное рагу. Это было простое блюдо, но от голода мне показалось, что я никогда не ела ничего вкуснее.

Я наблюдала за всеми, потрясенная и заинтригованная тем, как легко они смеялись и болтали друг с другом. Прежде мне не доводилось видеть такую небрежность в общении людей. В замке все подчинялось официальным правилам этикета, всегда сохраняя подчеркнутую уважительность. Но здесь все... дышали свободно. Мне очень нравилась такая обстановка.

В ту ночь мне не приснилось ни одного сна. Когда на городок опустилась тьма, а дождь прекратился, я резко проснулась от внезапного предчувствия. Мы с Элейн спали отдельно от остальных, и я чувствовала, как ее локоть упирается мне в спину.

Все мое внимание сосредоточилось на нитях. Отец был спокоен. Наверное, он спал. Струна Рена покачивалась и пружинила. Мне не нужен был свет тлеющих в камине угольков, чтобы увидеть, как он двигается в темноте, направляясь к двери вместе с пятью солдатами.

Как только они вышли на улицу, я отстранилась от Элейн и поплотнее закутала ее в одеяло. Затем я встала под навесом у входа в таверну, наблюдая за тем, как Рен и его люди седлают лошадей и бесшумно покидают двор таверны, словно призраки в серых мундирах со своими черными демонами.

В дверном проеме появился Крис с сумкой на плече. Я дернулась и схватила его за руку. От прикосновения по моей коже пробежали мурашки, но я не ослабила хватки.

Он посмотрел на меня сверху вниз, плотно сжав губы. В ночи его глаза казались совсем черными.

– Крис, – прошептала я. – Береги его.

Его плечи поднялись и упали от глубокого вздоха, но я почувствовала, как мышцы его руки расслабляются под моими пальцами. Крис сглотнул так тяжело, что на его шее заходил кадык.

– Хорошо.

Заметив нас, Рен подбежал к крыльцу. Крис кивнул нам обоим и направился к своей лошади.

– Мне пора ехать, – брат положил руку мне на плечо, но все его внимание было приковано к группе солдат, с которой ему предстояло отправиться в путь.

– Я буду по тебе скучать, – прошептала я, вздрогнув от холода. Ночной ветер пробрался под мою одежду, нагревшуюся от сна у камина.

Рен еще сильнее стиснул мое плечо и прижался щекой к моей макушке.

– Я тоже буду по тебе скучать, Джена.

– Будь осторожен. Возвращайся домой.

– Обещаю.

Поцеловав меня в лоб, Рен первым разорвал объятия, потому что прекрасно знал: я могу никогда его не отпустить. Больше он не произнес ни слова, а только коснулся кончика своего носа указательным пальцем – выше нос, Джена, – подошел к своему коню, забрался в седло и уехал в ночь. Перед тем, как проехать сквозь ворота таверны, он обернулся, помахал рукой и приложил руку к груди. Сосредоточившись, я отыскивала нить брата. Его надежда, предвкушение, волнение и, больше всего, любовь нахлынули на меня, как волна теплого и чистого света: такое прощание говорило больше, чем любые слова.

Когда он исчез в темноте, я достала из кармана маленькую книжку и провела ладонью по мягкой обложке. «Флора и Фауна Диких Земель».

Ветви деревьев, растущих у ворот таверны, шумели на ветру. Я слышала, что Дикие Земли выплевывают каждого, кто пытается сойти с дороги и уйти в их загадочные глубины, а те, кому удастся уйти достаточно далеко, больше не возвращаются обратно.

Глубокий вздох успокоил мое учащенное сердцебиение. Мы будем держаться дороги. С нами все будет в порядке.

Оставалось четыре дня пути мимо полей и деревень Халенди. Еще четыре – сквозь Дикие Земли. Потом три до Турианы. Одиннадцать дней до встречи с принцем. Совсем скоро силы Халенди подавят загадочную магию на севере и предатель, затаившийся в замке, будет изобличен.

Тронный зал

Смешливые морщинки возле глаз короля совсем побледнели, оставшись без дела с тех самых пор, как умерла его жена. Он сидел в окружении золоченых улыбок, избыточного количества вина и слабого металлического запаха гниющей рыбы, вновь пропитавшего замок.

Недвижимый камень трона впивался в его кожу, несмотря на то что он ежемесячно менял подушки.

И все же он не спускался со своего возвышения и не принимал участия в пьяных увеселениях придворных. Вместо этого он наблюдал за происходящим со своего законного места. Сверху.

Дверь в зал распахнулась, и руки короля, лежащие на узких подлокотниках, сжались в кулаки. Его советник торопливо шел к трону, шурша своими одеяниями, а слабый луч света, проникший сквозь тусклые окна, подчеркивал испарину на лбу мужчины.

Блэр относился к тому типу мужчин, которые однажды были красивы, но, потратив большую часть жизни на погоню за наслаждениями, постепенно растеряли себя по крупицам. Так же Блэр был ниже короля, что послужило веской причиной для назначения его на должность советника: никто не должен был смотреть на монарха сверху вниз.

Добравшись до возвышения, Блэр согнулся в низком поклоне. Даже слишком низком. Поблескивающие глаза короля сузились, и в морщинах возле его рта залегли тени.

– Ну?

– Ваше Величество, я боюсь...

Король прервал оправдание взмахом руки. Глубоко вздохнув, он опустил взгляд на свои сжатые ладони: ногти больно впивались в кожу. Наконец он произнес угрожающе низким голосом:

– Ты сказал, что можешь связаться с магами, Блэр...

– Наш посыльный вернулся из Ледяных Пустынь, – советник снова поклонился, извиняясь за то, что прервал речь короля, а затем вытер вспотевшие ладони о свою мантию. – Но только один. И он...

– Что? – рявкнул король, раздраженный недомолвкой.

Блэр нервно сглотнул.

– Он не в том состоянии, чтобы предстать перед тронном, Ваше Величество.

Король поднял к потолку задумчивый взгляд. Наконец на его лице появилась улыбка.

– Что ж, – он поднялся с трона и кивнул слуге. – Отведите меня к этому посыльному.

Глава пятая

Генерал Леланд не обрадовался, когда выяснилось, что наследный принц и шесть его людей исчезли без следа.

– Зачем Шраусу отдавать такой приказ? Это не безопасно.

Он мерил шагами дальнюю часть комнаты, пока Мастер Хафа терпеливо стоял рядом, протягивая письмо, которое генерал никак не хотел брать в руки. Большинство мужчин и женщин поспешили выйти на улицу, решив, что лучше готовиться к выезду на морозном ветру, чем испытать на себе гнев начальства. Я осталась внутри и начала сворачивать свой спальный мешок, чувствуя, как мой желудок тоже сворачивается от волнения. Даже Леланд и Мастер Хафа не знали о том, что Рен уедет посреди ночи?

Я завязала свой мешок и закрыла глаза, сосредоточившись на нити отца: он о чем-то беспокоился, но не больше, чем обычно. Усталость притупила воодушевление Рена, но здесь я тоже не почувствовала ничего необычного.

– Он сказал, что Рену необходимо сразу же вернуться назад, – в третий раз объяснил Мастер Хафа.

Леланд бросил на него пристальный взгляд.

– Мы могли бы послать тебя следом за ними.

– Король Шраус настоял на том, чтобы я оставался с принцессой, – Хафа явно сердился на собеседника. – Скоро мы пересечем границы Диких Земель... и ты прекрасно знаешь, что ради Халенди мы не можем позволить себе никаких задержек. – Он замолк, и в комнате повисла напряженная тишина.

Я сжала зубы и еще раз затянула кожаные завязки на своем спальном мешке.

Леланд молчал, словно все еще раздумывая над тем, чтобы отправить Хафу вслед за Реном.

Мое сердце забилось быстрее, и я поднялась, стряхивая пыль с ладоней.

– Крис за ним присмотрит.

Леланд споткнулся о меховой ковер, брошенный кем-то на пол, остановился и устался в стену, уперев руки в бока. Наконец он громко выдохнул и повернулся к Хафе.

– У нас есть четкие указания. Продолжим путь имеющимся составом.

Прохладный весенний ветер становился все теплее по мере того, как мы двигались на юг. Трава, выглядывающая из-под снега, начала зеленеть, а дорога превратилась в грязь. Затем холмы, усеянные овцами и крупным рогатым скотом, сменились лесом. Большинство путешественников обычно отправлялись в дорогу позже, когда воздух становился теплее, поэтому те немногие, кого мы встречали на пути, с опаской смотрели на нашу большую процессию из слуг и солдат.

Леланд, все еще пребывающий не в лучшем расположении духа, ехал впереди, срываясь на каждого, кто попадался ему под руку. Вечно хмурый взгляд Хафы

прожигал мою спину на протяжении всего утра. Все тело болело. Книга Рена лежала у меня в кармане, неприятно впиваясь корешком в бедро.

Когда солнце поднялось совсем высоко, мы остановились посреди дороги для полуденного перекуса. По обе стороны нас окружали высокие хвойные деревья, а с их раскидистых ветвей на нас глазели большие черные птицы и шумные белки.

Я наблюдала за тем, как несколько человек собрали небольшие ветки и бревна, а затем выкопали ямку и выложили ее дно камнями. Они справились со своим заданием так ловко, что за это время я успела только слезть с лошади и усадить свои уставшие кости у костра. Рядом со мной рос куст с крошечными белыми цветами и красными ягодами.

Я достала из кармана книгу, не забыв снова проверить нити. К тому моменту я пыталась узнать о самочувствии отца и брата такое количество раз, что уже потеряла им счет, но оба они были в порядке, и связь между нами не исчезала, несмотря на расстояние.

Я перелистнула несколько страниц в попытке определить название маленьких красных ягод, но мой желудок громко заурчал, и я отложила аккуратные буквы и искусно нарисованные картинки в сторону.

Стоило мне набрать целую горсть ягод, как нога Хафы ударила меня по запястью. Не сильно, но достаточно для того, чтобы меня напугать.

– На вашем месте я бы их не трогал, принцесса.

Я потрясла рукой.

– Почему нет? Они такие красивые.

Он снова нахмурился.

– Потому что эти красивые ягоды ядовитые.

Я торопливо стряхнула с ладони остатки ягод.

– Откуда ты знаешь?

Он указал на листья, цвет и кистевидное формирование ягод.

– Это все знают, – пробормотал Хафа, и я расслышала его слова, хотя, как мне показалось, он надеялся на обратное.

Я крепче сжала свою книгу.

– Я этого не знаю, – слова вырвались сами собой, и Хафа поднял бровь. Я неуверенно сглотнула, но продолжила: – У меня есть всего десять дней, Мастер Хафа, – в моем голосе слышалось отчаяние, которое я так старалась скрыть ото всех.

Его губы вытянулись в тонкую линию, и он отрывисто вздохнул.

– Десять с половиной, – он сел рядом со мной – такой грациозный и сильный – и положил руки на колени. – Путешествие по дикой местности – все равно что сражение один на один. Но здесь твой противник – это природа, и она убьет тебя при первой же возможности. Поэтому нужно внимательно следить за всем, что тебя окружает.

Несколько секунд он внимательно меня изучал, а потом, словно придя к какому-то выводу, подозвал небольшую группу солдат, которые уселись рядом с нами.

Пока они устраивались поудобнее, моя и без того затекшая спина напряглась. В мою ногу впивался камень, и я была почти уверена, что частично сижу в луже, но никто из окружавших меня мужчин и женщин, кажется, не обращал на меня особого внимания. Когда Хафа подозвал их, они смеялись над какой-то забавной историей, так и не рассказанной до конца.

– ...И когда я повернулся, то увидел огромную медведицу! Она просто сидела возле речки и смотрела, как я раздеваюсь! – один из мужчин – кажется, его звали Томас – громко зарычал, и этот звук эхом отозвался где-то в чаще.

Все начали доставать из своих мешков еду, припасенную в дорогу. Наверху затрещала белка, и на меня посыпался дождь из еловых веток и пыли. Мой

мешок все еще висел на седле Джентри. Я прикусила губу, но, посмотрев на дорогу, поняла, что там уже начали мыть и кормить лошадей. О Джентри уже заботился какой-то незнакомый мне человек.

На время обеда истории прекратились, так как все были слишком заняты пережевыванием пищи. Кроме меня. Элейн приготовила для меня еду, но она была далеко, в самом начале процессии. Я неловко сидела на своем месте, не зная, куда деть ничем не занятые руки.

Прочистив горло, я осторожно отодвинулась от лужи.

– Что произошло дальше? – спросила я.

Томас, уже набивший полные щеки, моргнул и озадаченно нахмурился.

Я снова прочистила горло.

– В смысле, с медведицей, – мои глаза метались от одного лица к другому. Все уставились на меня, тут же прекратив жевать. – Как ты спасся?

Поморщившись, Томас проглотил слишком большой кусок хлеба. Он перевел взгляд на Хафу, и тот еле заметно кивнул головой.

– Ну, – начал он, наклонившись вперед. – Чего медведи не любят, так это быть застигнутыми врасплох. Поэтому я поступил как любой взрослый мужчина, – он на мгновение замолк, и кто-то из слушателей тихо захихикал. – Я закричал, как новорожденный младенец, и прыгнул в реку. Бедная медведица вскочила с места и удрала в лес.

– Ах, – сказала женщина справа от меня. Я слышала, что другие называют ее Келс. – То есть медведица испугалась, увидев тебя в чем мать родила. Должно быть, она ослепла от этого зрелища.

Вокруг меня прокатилась волна смеха. Келс наклонилась вперед.

– Послушайте, принцесса. Большинство животных не любят, когда люди их тревожат. Если вы будете шуметь достаточно громко – они вас не тронут.

Напряжение в моей спине немного спало.

– А что делать ночью? Нельзя же издавать громкие звуки во сне.

Томас расхохотался.

– Можно, если ты Келс. Она храпит как...

Женщина пихнула его в бок, но оба они смеялись.

Так я стала частью их компании. Я уже забросала их вопросами, когда Элейн принесла мой обед, который оказался намного разнообразнее и питательнее еды моих собеседников, но никто из них не начал жаловаться или указывать на это. Перед тем, как Леланд приказал всем вернуться к своим лошадям, Хафа коснулся моего плеча. Он вглядывался в густую листву, и я проследила за его взглядом. Я не сразу поняла, что он увидел, но потом разглядела олениху-мать, которая смотрела на нас, подняв уши. У ее ног, покачиваясь, бродил маленький олененок, то и дело отщипывающий пучки свежей травы.

Все вокруг спешили выполнить приказ Леланда: он все еще злился из-за отъезда Рена. Но прямо за чертой дороги я увидела кусочек целого мира. Мира, который был мне незнаком.

Весь остаток дня я внимательно поглядывала по сторонам, надеясь снова заглянуть в этот загадочный мир.

Десять с половиной дней.

К ночи, после двух дней верхом, я уже не чувствовала своих мышц. Элейн высунулась из кареты, готовая оказать мне помощь, но я уже сняла свои сумки с седла Джентри и начала расставлять наш шатер в стороне от дороги, в месте, на которое указал Леланд.

Дорога пробивалась сквозь густо растущие, высокие ели и редкие лиственные деревья. В ту ночь нам было не суждено поспать в таверне.

Я бросила на землю мотки плотной ткани и поддерживающие штыки. Вокруг тут же поднялось облако теплой пыли, липнувшей к моему лицу и шее. Выгнув спину и потянувшись, я посмотрела на фиолетовую дымку заката, окрасившую все небо над верхушками деревьев. Чем южнее мы уезжали – тем меньше дул холодный ветер, а цветы становились ярче и разнообразнее. Здесь царила весна.

С помощью Элейн и неясных инструкций Хафы мы собрали шатер с третьей попытки. Солдаты, гораздо более опытные в этом деле, взрывались смехом каждый раз, когда ткань падала нам на головы, и выкрикивали советы: одни были действительно полезными, а из-за других наши подпорки заваливались на землю еще быстрее.

Во время ужина я разогревала нашу еду, отказываясь от помощи заботливой Элейн. Мясо подгорело, но она не стала жаловаться.

После ужина Хафа отвел меня на маленький луг, спрятанный за деревьями. Над нашими головами громко трещали две белки, словно спорившие друг с другом. Хафа наклонился, провел рукой по земле, а затем развернулся ко мне.

Он резко отдернул руку и вскинул ее наверх, а через секунду мое плечо пронзила острая боль. Отскочив, я прищурилась, стараясь разглядеть, что меня ударило. Маленький камень.

– Ты только что бросил в меня...

Другой камень ударил меня по ноге. Третий – по животу.

– Ауч! Прекрати...

Он опять вскинул руку, и я уклонилась, прикрыв голову руками. Камень оцарапал тыльную сторону моей ладони.

– Блокируйте их, принцесса, – прорычал он.

– Я не могу их блокировать, если я их не вижу, – я оскалилась в ответ, отпрыгивая от новых камней, летящих в мою сторону.

– Если кто-то атакует вас с помощью магии, вы тоже этого не увидите.

Упоминание о магии заставило меня замереть на месте. Хафа кинул еще один камешек – со всей силы, – но в этот раз моя рука поднялась и отбила его сама собой, а я сосредоточилась на лице своего учителя. Я ждала его слов с нетерпением и страхом.

– Ваш отец дал вам меч и кольцо, чтобы защитить вас от магии. – В меня полетел новый камень, и на этот раз я не успела его блокировать. – Поэтому мы будем тренироваться и с тем, и с другим.

Он вытащил из ножен свой меч, и в полутьме сверкнул гладкий клинок. Стальной. Не тренировочный.

Я тяжело сглотнула и обнажила свое оружие.

Хафа побежал на меня быстро и бесшумно. Он взмахнул мечом, одновременно бросая камешек. Моя левая рука с кольцом на среднем пальце поднялась с опозданием на секунду: маленький камень попал мне в живот, пока я неловко отражала атаку, нацеленную на мою шею.

Он отступил на шаг, и его лицо помрачнело от недовольства.

– Ты можешь быть лучше. Ты должна быть лучше.

В моей голове пронеслись мысли о предателе, о записке, о Рене, сражающемся с магией на границе нашего королевства.

Я распрямила плечи, сжала рукоять меча и встала в боевую стойку.

В этот раз я уклонилась от камня и парировала атаку клинком, но кончик его меча отрезал кусочек ткани от моей туники.

– Еще раз, – скомандовал Хафа.

Он продолжил кидать в меня камни, не переставая наносить атаки мечом. Это продолжалось до тех пор, пока на небе не появились звезды. Все мое тело

покрывали маленькие синяки, напоминая о «магии» Хафы, которую я не успела отразить, а в моей одежде появилось еще две прорехи, которые мне предстояло зашить до наступления утра.

Когда он наконец-то объявил, что с меня достаточно, моя грязная кожа чесалась, а выпавшие из косы пряди волос липли к шее. Мышцы, о которых я раньше и не знала, умоляли об отдыхе. Никто в здравом уме не выходил на бой с Хафой. Он был непобедим. Все эти годы, что я провела у него в учениках, никто не смог превзойти его в мастерстве.

Он направился к лагерю, но обернулся, когда понял, что я не следую за ним.

– Тебе нужно отдохнуть.

– Знаю, – ответила я, тяжело дыша. Вместо того, чтобы пойти следом, я легла на колючую траву. – Я просто хочу немного посмотреть на звезды. Потом я приведу себя в порядок и вернусь.

Хафа окинул меня внимательным взглядом, кивнул и скрылся за деревьями.

Темные треугольные вершины елей обрамляли ночное небо. Звезды были всего лишь крошечными точками света и все же освещали весь мир своим величием. Никакая луна не могла затмить их той ночью. Но звуки? Звуки были оглушающими. Лягушки пели возле реки по ту сторону дороги, а сверчки исполняли свою навязчивую мелодию. В кустах и на ветвях деревьев семейства маленьких животных прижимались друг к другу. Над головой, расправив крылья, бесшумно парили ночные охотники.

Воздух остыл, и я вдруг заскучала по ледяному ветру, который дул в Халенборге большую часть года. Я скучала по библиотеке и даже по белым стенам замка. Но больше всего я скучала по Рену. По отцу. Связывающие нас струны были всего лишь приглушенным гулом, который я всегда ощущала нутром, но в них я улавливала тоску, перекликающуюся с моими собственными чувствами. Эта связь заставляла меня скучать по дому еще сильнее, но в то же время, дарила мне спокойствие.

Когда полночный холод остудил мою ноющую спину, а мое дыхание вернулось к нормальному темпу, я поднялась на ноги, стряхивая остатки листьев. Со стороны

лагеря доносились приглушенные голоса. Я пересекла тропу и пробралась сквозь деревья, отделяющие дорогу от реки.

Моя голова чесалась, а руки еще никогда не были такими грязными, но впервые за два дня я наконец-то оказалась в одиночестве. Распустив косу, я принялась вычесывать запутавшиеся волосы пальцами, и из золотистых прядей посыпалась засохшая грязь. При этом моя белая прядка оставалась скрыта под волосами. Теперь мне придется скрывать ее постоянно. Даже когда я совсем одна.

Ледяная вода пахла домом. По моей коже побежали мурашки, когда я опустила руки в холодный поток и умыла лицо. Затем я зачерпнула еще немного воды, чтобы вымыть грязь из волос. Через несколько минут пальцы совсем заоченели, но моя коса была снова туго заплетена, а глаза слипались от усталости.

Позади меня хрустнула ветка. Ледяные капли стекали с моих волос на мундир.

Звуки леса замолкли. Никаких лягушек. Никаких сверчков. Никакого жужжания насекомых.

Только мое прерывистое дыхание. Рука сама потянулась к рукояти меча.

– Принцесса.

Голос раздался из темноты, слева. Я отпрыгнула назад, выхватив меч моей матери, но это оказался всего лишь генерал Леланд.

– Ледники! Вы напугали меня, генерал.

– Простите, принцесса, – сказал он, слегка поклонившись. Неужели он наконец-то успокоился насчет внезапного отъезда Рена? Лицо генерала оставалось в тени, и я не могла разобрать его выражения. Его монотонный голос тоже не выдавал никаких эмоций.

Леланд кивком указал на меч, который я уже убрала в ножны. Мое сердце учащенно билось о ребра.

– Я заметил, что некоторые солдаты интересуются вашим мечом, – он понизил голос, и откуда-то из-за деревьев пугающе заухала сова. – Советую вам быть осторожной. Вы же не хотите потерять такую ценную вещь.

В тусклых бликах лагерного костра деревья отбрасывали длинные тени. На другой стороне реки хрустнула еще одна ветка.

– Я буду внимательней. Спасибо.

По дороге к лагерю я чувствовала, как моя спина чешется между лопаток. Это ощущение не проходило до тех пор, пока я не оказалась в безопасности своего шатра. Элейн уже посапывала во сне, завернувшись в плотное одеяло.

Я отстегнула меч и провела пальцами по голубому камню и мудреным узорам на клинке. Я не могла их видеть, пока оружие находилось в ножнах, но отчетливо помнила их расположение, размер и глубину.

Здесь не было деревенских жителей, никого, кто мог бы украсть мой меч. Если только генерал не имел в виду кого-то из своих. Нить моего отца не колебалась от волнения с тех пор, как я уехала.

Я перевязала кожаные полоски на рукояти, чтобы спрятать камень, украшавший перекрестье. Если не доставать меч из ножен, он будет выглядеть как потрепанное, старое оружие. В тот момент я искренне надеялась, что мне не придется его обнажать.

* * *

Следующие три дня в пути по Халенди напоминали друг друга. Бесконечная смена леса и холмов, усеянных овцами. Леланд срывался на каждого, кто оказывался у него на пути.

Хафа внимательно наблюдал за мной, как за своим заклятым врагом. Или другом. Его всегда было сложно понять.

Наши ночные тренировки становились все хуже. Мои руки покрылись рубцами, а тело больше болело от ударов камнями, чем от езды верхом.

В последнюю ночь, как раз перед тем как пересечь границу Диких Земель, мы остановились в самой большой таверне, какую я видела. Шумный город стоял на равнине, всего в нескольких часах езды от первых деревьев Диких Земель: место отдыха для тех, кто готовился ступить за опасную границу или отправиться обратно.

Леланд сердито покрикивал на солдат, приказывая им загрузить в телеги больше провианта, а его капитаны следили за сборами и подготовкой. Хафа побил меня быстрее, чем обычно, и, обиженно надувшись, я села у костра во внутреннем дворе. Со стороны Диких Земель подул холодный ветерок, что было странно для разгара весны.

Нити моих отца и брата искрились волнением, хлопая и щелкая вместе с пламенем костра. Но я не знала, почему они волновались. Может, оттого, что завтра наша процессия ступит на территорию Диких Земель? Или потому, что открылись новые подробности о записке? О предателе? Что-то случилось в Северном Дозоре? Рен уже должен был почти добраться до своего места назначения. Скоро он возьмет командование на себя и поведет людей, как ему и должно.

Хафа опустил рядом со мной с шумным вздохом.

– Обидой ничего не изменишь, – сказал он, сбрасывая свою куртку, которая пахла грязью и потом.

Он имел в виду наш бой, но я увидела в его словах другой смысл. Я не могла ничего изменить для Халенди. Но когда я окажусь в Турии, то может быть... с моих губ сорвался вздох. Я даже не знала, с чего начать.

Я потерла руками лицо.

– Я знаю. Все мои поступки ничего не меняют, – удрученно пробормотала я.

Блики костра озаряли серебряные волосы в его бороде и сталь его глаз.

– Вы же не всерьез, правда? – спросил Хафа самым мягким голосом, который когда-либо исходил из его уст.

У меня чесалась голова, но я боялась случайно расплести косу или привлечь ненужное внимание к моим волосам.

«Я не могу», – хотела ответить я, но вместо этого лишь отстегнула ножны от пояса и положила их на колени. Мои пальцы коснулись голубого камня, спрятанного под полосками кожи.

– Можешь сколько угодно бросать в меня камни, но это не поможет мне в Турии. Мы оба знаем, что настоящая опасность на северной границе.

Хафа достал свой меч из ножен, а затем вытащил из сумки точильный камень.

– Опасность всегда рядом. Неужели вы так быстро забыли наши уроки? – он провел кончиком меча по земле.

– Мои уроки никогда не включали в себя магию, – я понизила голос, хотя на улице осталось не так много людей, да и те были слишком заняты приказами Леланда.

– И совершенно напрасно.

Кто-то уронил ящик и громко выругался, но мы даже не шелохнулись. В моей голове крутился всего один вопрос: откуда он узнал о моей магии?

Хафа опустил голову и достал из кармана лоскут, чтобы отполировать свой клинок. Я не могла ничего сказать. Ни единого слова.

Он кивнул на мой меч.

– Если король решил дать вам магический артефакт, то должен был предвидеть, что перед этим нужно изучить магию.

Ох. Я облегченно выдохнула. Мой меч.

– Я... – от радости я не сразу нашла нужные слова. – Я думаю, это было всего лишь предосторожностью. Вряд ли отец всерьез полагал, что мне придется его

использовать.

– Даже когда он отправляет вас в проклятые глубины Диких Земель? – пробормотал Хафа, резко ударив мечом по камню.

Я сглотнула.

– Если мы будем держаться дороги, магия Диких Земель нас не затронет, – мой голос дрогнул. Я пыталась убедить его или саму себя?

Хафа поднял бровь, не сводя взгляда со своего меча.

– Значит, вы не хотите узнать больше о вашем оружии?

– Что? Да! – я почти закричала. Леланд бросил на нас вопросительный взгляд с дальнего конца двора, но через мгновение продолжил орать на бедного солдата. Я прочистила горло и посмотрела на Хафу. – В смысле, конечно. Я бы очень хотела узнать больше об этом мече. И о Диких Землях.

– Чтобы узнать о своем мече, вам нужно вернуться назад, к его истокам, – языки племени трещали и танцевали в костре. – Много веков назад, прежде, чем наши предки пришли в Плато из Многих Морей, на Континенте развернулась Великая Война.

Я знала о Великой Войне, но лишь молча кивнула, чтобы показать: я внимательно его слушаю. Рассказывая историю, Хафа всегда добирался до главного смысла окольными путями.

– На Континенте находилось много королевств, которые всегда боролись друг с другом за власть, еще хуже, чем сейчас. Когда первые маги обнаружили, что они могут изменять реальность и увеличивать свои силы, сражения развернулись в еще больших масштабах. Изначальные цели были позабыты, ведь тому, кто обладает властью над другими, всегда ее недостаточно. Некоторые могут противостоять этому соблазну, но другие отдаются ему целиком и полностью.

Многие из магов последовали за тем, кто называл себя Черным Магом. Они брали все, что только могли: вторгались в королевства, превращая жителей в

своих верных последователей или даже рабов, пока не подчинили себе весь Континент. Те, кто не обладал магическими способностями, объединились с волшебниками, которые выступили против Черного Мага, решив бороться с угнетателями.

Хафа всю жизнь изучал военную историю Халенди, и его история обволакивала меня, как переплетающиеся шерстяные нити, которые затягивались все крепче с каждым словом.

– Они сражались, даже несмотря на то что не могли победить? – спросила я.

Он покачал головой.

– Не стоит недооценивать силу отчаяния.

До прибытия в Турию оставалась всего одна неделя, а вскоре после этого мне предстояло назначить дату своей свадьбы. За короткое время мы с отчаянием стали близкими друзьями.

– После долгих лет войны, – продолжил он. – Мужчина по имени Геро, которому было суждено стать первым императором Континента, одолел Черного Мага и его армии. Младший сын Геро, Каис, вместе со своим отрядом преследовал выживших последователей Черного Мага через Многие Моря, пока не достиг новой земли, чьи острые скалы разрезали водную гладь. Найдя путь наверх, они выслеживали магов на покрытых снегом холмах, в темных лесах и Ледяных Пустынях. Многие спутники Каиса погибли, и в итоге он потерял след приспешников Черного Мага.

Опасаясь новой войны, Геро изгнал все знания о магии за море. Он запретил все артефакты и манускрипты, как свои собственные, так и те, что принадлежали людям Черного Мага, отправив их на край света, в забытые земли.

– Магическая библиотека? – не выдержала я, хотя прекрасно знала, что Мастер Хафа не любит, когда его прерывают.

– Да, – ответил он, убирая меч обратно в ножны и доставая из сапога кинжал, чтобы почистить его клинок.

Я затаила дыхание.

– Мой меч находился в магической библиотеке? Как и Медальон моего отца. Но как? Кто ее нашел? Сколько еще чудес она скрывает? Неудивительно, что кто-то на передовой ищет ее. Халенди нужно преимущество против неведомого врага, и для этого нам нужна магическая библиотека.

– Не совсем, – Хафа огляделся и понизил голос. – Каис сохранил некоторые магические артефакты от изгнания. Он предчувствовал, что они могут понадобиться на случай, если маги когда-нибудь выйдут из Ледяных Пустынь.

– Но они больше не появлялись, – сказала я, держа свой меч с новым чувством благоговения. – И что насчет ключа к магической библиотеке?

На мгновение пальцы Хафы застыли на кинжале, но затем он убрал клинок обратно в сапог и внимательно посмотрел на меня.

– Ключ?

Я пробежала пальцами по своей косе, приглаживая пряди. Отец доверил Хафе сопровождать меня в Турию. У меня никогда не было повода сомневаться в нем. И все же я колебалась.

– Я слышала, что существует ключ к магической библиотеке, но не уверена, что это правда.

Борода Хафы дернулась, как и всегда, когда он погружался в раздумья.

– Я никогда не слышал о ключе, хотя уже много лет никто и не пытался найти библиотеку.

Мои губы растянулись в кривой улыбке. Ключ к библиотеке мог оказаться всего лишь выдумкой.

– Значит, Каис спрятал все, что относилось к магии? Но почему он не использовал эти артефакты, чтобы победить магов раз и навсегда?

Хафа шумно выдохнул.

– Их невозможно было найти. К тому же Каис и его отец боялись, что кто-то заполучит эти силы в свое распоряжение. Никто не должен обладать настолько обширными знаниями, способными изменять окружающий мир.

– Но ведь магия – это всего лишь магия, – недовольно сказала я. Его слова задело больное место, и я убрала свою косу за плечо. – Магия, использованная с хорошими намерениями и от чистого сердца, отличается от той, что направлена на получение власти ценой чужих страданий.

Рен всегда повторял эти слова, когда я начинала переживать, что из-за магии я поступлю точно так же, как сестра, которая пыталась убить своего брата и занять престол.

Борода Хафы дернулась.

– Вы правы, принцесса. Но они провели долгие десятилетия в сражении. Император Геро верил, что земля и народ начнут исцеляться от последствий войны, как только ее причина будет надежно заперта так далеко, насколько это возможно. Он предложил всем оставшимся магам отказаться от своих способностей или последовать за теми, кто исчез в Ледяных Пустынях. Коренные жители Плато – турийцы – отдали северные земли за горами Фьель Каису, твоему предку, который стал первым королем Халенди. Главная задача нашего королевства – защитить турийцев от магической чумы, грозящей в любую минуту вырваться из Ледяных Земель.

Я пыталась осмыслить все, что услышала. Подготовка к завтрашнему отъезду была завершена, и Леланд скрылся в дверях таверны. Кое-что из сказанного Хафой стало для меня неожиданностью.

– Геро изгнал других магов в Ледяные Пустыни?

Хафа кивнул, ожидая, что я сама найду недостающие кусочки пазла. Внезапное осознание словно ударило меня в живот.

– Ты думаешь, их потомки нападают на нас с севера?

Хафа протянул руки к огню, а его голос зазвучал низко и настойчиво:

– Ходят слухи о странных событиях, происходящих на передовой. Достаточно странных, чтобы заставить задуматься.

Он не сказал этого прямо, но его слова подтверждали мое предположение. Ледники. Маги прятались в Ледяных Пустынях все это время.

– Как они преодолели чары, которые король Каис наложил на границу? Никто не должен был вернуться из Пустынь.

Лицо Хафы омрачилось, и его черты заострились в ночи.

– Они могут вернуться, если их призовут.

– Ледники! – выдохнула я. Предатель. Сожженная записка. А мой отец остался совсем один. Хафа и Леланд путешествовали со мной. Рен отправился в Северный Дозор.

Я вскочила на ноги, пристегивая ножны к поясу.

– Я не могу ехать в Турию, Мастер Хафа, я просто не могу. Что, если... – страх свернулся клубком у меня в животе. – Что, если кто-то из Халенди призвал их?

Хафа покачал головой и остановил мое нервное расхаживание из стороны в сторону, положив ладонь мне на руку.

– Сейчас не важно кто и с какой целью призвал их на наши земли. Нам нужны войска.

Услышав это напоминание, я поморщилась. Мне было суждено стать разменной монетой в торгах за что-то более полезное, чем я сама. Мои руки задрожали, и я спрятала их в карманы.

– В Турии вы будете в безопасности, – сказал он. Но я волновалась не за свою безопасность. Все дело было в моем секрете. Я крепко зажмурилась и сделала глубокий вдох.

– Турийцы боятся магии? Для них это чуждая сила. Мне придется прятать свой меч?

Семь дней. Одна неделя. А затем мое неясное будущее наконец будет определено.

Хафа натянул свою крутку. На город опустилась ночь, и, хотя во дворе таверны стало тихо, за ее забором проснулись ночные создания.

– Не боятся, но опасаются. Они понимают, что магия служит защите Плато. Служит нам.

Я подперла голову руками, поставив локти на колени. Хафа избежал ответа на мой вопрос про меч.

– А Дикие Земли? – спросила я, чувствуя, что наш разговор подходит к концу. Хафа замер, не сводя глаз с пламени костра. Летучая мышь сорвалась с карниза и исчезла из виду, хаотично хлопая крыльями.

– Между тремя королевствами Плато сохраняется постоянное равновесие. Мы – страна гор и снега, рождающая воинов, которые способны защищать и обороняться, с полями, полными овец и шахтами, где мы добываем драгоценные камни для продажи. Турия располагает огромными долинами, плодородными землями и теплой погодой, также залежами твердой руды, из которой куется наше оружие. Риига славится своими хитрыми купцами, морскими портами и путями на Континент, в отличие от других королевств, ведь большая часть Плато окружена скалами.

Баланс существует в торговле и экономике, но также и в магии. Магия сохраняется в крови наших королей, но правители других королевств тоже ею обладают, только в меньшей степени.

– Снег и лед, – пробормотала я. Только Рену полагалось владеть магией. Но у меня тоже была белая прядь. Судя по всему, отшельники Ледяных Земель использовали магию, чтобы атаковать наши границы. А теперь еще и это?

– Магия, Дженесара, не всегда предсказуема. По крайней мере не так, как мы ее понимаем, – Хафа продолжил прежде, чем я успела ответить. – Всегда будут люди, которые хотят использовать магию во зло, но в противовес им существуют те, кто использует ее в добрых целях. Так же и эта земля. Она стремится к балансу. Когда Каис наложил чары на Ледяные Пустыни, Дикие Земли сформировались сами собой.

Моя голова шла кругом. Из таверны послышался смех, потревоживший неподвижную тишину ночи.

– Магия Диких Земель уравнивает магию Ледяных Пустынь?

Хафа вздохнул.

– Не знаю, о чем думала земля, но ответ – да.

Я сглотнула.

– Что произойдет, если сойти с дороги?

Взгляд стальных глаз Хафы впился в мое лицо.

– Не сходите с дороги.

Между нами повисла тишина. Даже пьяницы в таверне утихли. Он встал, отряхивая штаны, и поправил свои ножны.

– Дженесара, первый король Халенди поклялся защищать людей Плато от физических и магических угроз. Поэтому мы – народ воителей. Поэтому мы процветаем среди льда и жестоких холодов. Это – наше наследие. Выживать и защищать.

Я ткнула в кучку пепла на краю костра носком сапога. От меня не ускользнул скрытый смысл его слов. Я должна была сыграть свою роль в защите Плато, выйдя замуж за принца и обеспечив Рену военное подкрепление. Вздохнув, я прижала палец к перекрестию на рукояти своего меча. По моей руке потекла знакомая энергия. Она была такой нежной и неуловимой, что я не сразу ее

ощутила.

– Принцесса, – позвала Элейн, высунувшись из-за двери. – Вам давно пора отдыхать.

Во двор вылилась полоска тусклого света, очерчивая фигуру Элейн темным контуром. Я помахала ей, чтобы она не беспокоилась обо мне. Ветер унес тепло, исходившее от костра, и я вздрогнула.

– Спасибо, что рассказал мне все это, – прошептала я, обращаясь к Хафе, и мой голос почти утонул в криках, доносящихся из таверны.

Хафа сжал губы, словно хотел сказать что-то еще. Его борода дрогнула, но он лишь поклонился и жестом предложил мне последовать за ним в таверну. Я открыла свою седельную сумку и достала оттуда охотничий нож, после чего сунула его в сапог.

Четыре дня по Диким Землям. Еще три до Турианы. Семь дней.

В день, когда мы пересекли границу Диких Земель, что-то в воздухе изменилось. Бесконечные деревья стали выше, а их цвет – насыщеннее. Колючая поросль взбиралась по стволам, как паутина. В тенях и трещинах залегло еще больше застывшего снега, несмотря на разгар весны.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Паломино – соловая масть лошадей с золотистым окрасом туловища, а также почти белой гривой и хвостом.

2

Дерновые дома – землянки или полуземлянки, которые издревле строились в Исландии ввиду сложного климата.

Купить: https://tellnovel.com/ru/flanders_keylin/schit-magii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)